

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

ЧЁРНАЯ ЛЕНТА

МАРИЯ МАРЦЕВА

Мария Марцева

**Криминальные
истории. Чёрная лента**

«Автор»

2026

Марцева М.

Криминальные истории. Чёрная лента / М. Марцева — «Автор», 2026

В тихом школьном коридоре появляется похоронный венок с чёрной лентой: «Скорбим. Помним. Не простим». На следующий день директор школы найден мёртвым в собственном кабинете. Случайность? Сердечный приступ? Или тщательно продуманная месть, пришедшая из прошлого? В сборнике Марии Марцевой «Криминальные истории. Чёрная лента» каждое дело начинается с тревожной детали: лишнего бокала на праздничном столе, старой фотографии, чужого ключа, квитанции в кармане убитого, пустой больничной палаты. Эксперты и следователи ЦКР шаг за шагом распутывают преступления, где за внешней обыденностью скрываются жадность, страх, предательство, давние обиды и тайны, за которые готовы убивать. Это истории о том, что прошлое не исчезает бесследно, а молчание порой становится самой важной уликой. В каждом расследовании — напряжение, психологическая глубина, неожиданные повороты и горькая правда о людях, переступивших черту.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тихий двор	5
Глава 1. Находка у подъезда	5
Глава 2. Соседи молчат	9
Глава 3. Старый конфликт	12
Глава 4. След на лестнице	15
Глава 5. Чужая вина	18
Последний автобус	21
Глава 1. Пассажир без билета	21
Глава 2. Маршрут по минутам	24
Глава 3. Женщина в красном пальто	27
Глава 4. Долг из прошлого	30
Глава 5. Ошибка свидетеля	34
Чужой ключ	38
Глава 1. Открытая дверь	38
Глава 2. Ученики и зависть	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мария Марцева

Криминальные истории. Чёрная лента

Тихий двор

Глава 1. Находка у подъезда

Утро вторника выдалось серым и неприветливым. Над пятиэтажкой на улице Садовой висели низкие облака, обещавшие к обеду пролиться холодным осенним дождём. Двор, зажатый между четырьмя одинаковыми домами советской постройки, ещё спал. Только дворник Аслан неторопливо мёл асфальтовую дорожку у первого подъезда, время от времени поглядывая на серую кошку, гревшуюся на крышке тёплого канализационного люка.

В половине седьмого тишину нарушил пронзительный женский крик.

Аслан вздрогнул, выронил метлу и обернулся. У второго подъезда, прижав руки ко рту, стояла полная женщина в халате и тапочках на босу ногу. Она кричала, не переставая, а взгляд её был прикован к чему-то у самого крыльца, скрытому невысоким бетонным бордюром и разросшимся кустом сирени.

Дворник бросился к ней.

— Что? Что случилось?

Женщина только мотала головой и тыкала пальцем. Аслан заглянул за куст — и замер.

На земле, неестественно подвернув под себя ногу, лежал пожилой мужчина. Он лежал лицом вниз, одна рука была вытянута вперёд, словно он до последнего пытался за что-то ухватиться. Седые волосы слиплись от тёмного пятна на затылке. Рядом валялась оброненная связка ключей и очки в роговой оправе с треснувшим стеклом.

— Виктор Семёныч, — прошептал Аслан, узнав соседа из квартиры на третьем этаже. — Лапин это...

Он осторожно коснулся плеча старика. Тело было холодным и твёрдым.

Через сорок минут двор было не узнать. У подъезда стояли две патрульные машины, серый микроавтобус и потрёпанная «Лада» следователя. Жильцы, не успевшие уйти на работу, толпились на балконах и у окон, перешёптываясь и качая головами. Кто-то уже звонил знакомым: «У нас, представляешь, Лапина нашли мёртвым, прямо у второго подъезда...»

Из микроавтобуса вышла невысокая женщина лет тридцати пяти, в синей куртке с эмблемой ЦКР — Центра криминалистических исследований. Это была эксперт-криминалист Вероника Дробышева. Лицо у неё было сосредоточенное, движения — точные и экономные. Следом за ней появился её напарник, рослый и немного грузный судмедэксперт Игорь Тенякин, на ходу натягивающий резиновые перчатки. — Доброе утро, — поприветствовал их встречавший следователь, худощавый мужчина с усталыми глазами и трёхдневной щетиной. Это был Андрей Соловьёв из районного отдела. — Хотя какое оно доброе...

— Что тут у нас? — спросила Дробышева, оглядывая место происшествия.

— Лапин Виктор Семёнович, семьдесят два года, пенсионер. Жил в этом подъезде, квартира двадцать три, третий этаж. Нашли утром, в половине седьмого. — Соловьёв заглянул в блокнот. — На первый взгляд — упал с лестницы либо поскользнулся на крыльце, ударился головой. Бывает у стариков. Но я вызвал вас, потому что...

— Потому что что-то не сходится, — закончила за него Вероника.

— Именно. Сами посмотрите.

Они подошли к телу. Тенякин присел на корточки, аккуратно осмотрел затылок покойного, потом перевернул тело на спину. Лицо Лапина застыло в выражении не то удивления, не то испуга. Глаза были полуоткрыты.

— Трупное окоченение выражено хорошо, — пробормотал судмедэксперт. — Смерть наступила, ориентировочно, между десятью вечера и часом ночи. Точнее скажу после вскрытия. Причина смерти, на первый взгляд, — черепно-мозговая травма. Удар тупым предметом в затылочную область.

— Удар? — переспросил Соловьёв. — Не падение?

— А вот это самое интересное, — Тенякин указал на рану. — Видите характер повреждения? Если бы он упал навзничь и ударился о ступеньку или бордюр, рана была бы рваной, с неровными краями, и форма соответствовала бы кромке. А здесь — ровная вдавленная рана, узкая. Похоже на удар чем-то длинным и тонким. Палка, труба, перила...

Вероника тем временем медленно обходила тело по кругу, внимательно глядя под ноги.

— Андрей, обрати внимание, — позвала она следователя. — Если он упал здесь, где кровь? Раны на голове кровят обильно. А под ним — почти ничего. Только небольшое пятно. Тело принесли или притащили сюда уже после смерти.

Соловьёв нахмурился, осматривая асфальт.

— Думаешь, его убили в другом месте?

— Я пока ничего не думаю. Я смотрю, — спокойно ответила Дробышева. — Но факты — упрямая вещь. Игорь, помоги-ка.

Они вдвоём осторожно осмотрели одежду покойного. На Лапине были старая клетчатая рубашка, серый вязаный жилет и тёмные брюки. Вероника наклонилась ближе к спине пиджака... нет, жилета. Что-то привлекло её внимание.

— Игорь, посвети, — попросила она, доставая из кармана небольшую лупу.

Тенякин направил фонарик на спину покойного. На сером трикотаже жилета, между лопатками, виднелись две параллельные тёмные полосы. Они тянулись сверху вниз и оканчивались характерными смазанными следами.

— Что это? — спросил Соловьёв, заглядывая через плечо.

— Следы волочения, — ответила Вероника. — Тело тащили. Причём тащили спиной вниз, за руки или за плечи. Видишь, как закатались волокна ткани? И смотри сюда. — Она указала на тёмные частицы, прилипшие к жилету. — Тут какая-то грязь. И не уличная. Слишком мелкая, однородная. Похоже на строительную пыль. Или...

Она аккуратно подцепила пинцетом несколько крошечных частиц и поместила их в прозрачный пакетик для улик.

— Краска, — сказала она наконец, рассмотрев находку через лупу. — Засохшие чешуйки краски. Светло-голубого цвета. И вот тут ещё — на манжете рубашки.

— Откуда на старике строительная краска? — удивился Соловьёв.

— Вот это нам и предстоит выяснить, — Вероника выпрямилась и обвела взглядом подъезд. — Где, по-вашему, могли красить голубой краской? Перила? Двери? Радиаторы в подъезде?

Соловьёв пожал плечами.

— Понятия не имею. Надо спросить у жильцов.

— Надо. Но сначала... — Вероника шагнула к крыльцу подъезда. Дверь была старая, обшарпанная, с потрескавшейся зелёной краской. Перила вдоль ступенек тоже зелёные. Внутри, в тамбуре, виднелись почтовые ящики и лестница, ведущая наверх. — Здесь голубого нет. Значит, искать надо в другом месте.

Тенякин тем временем продолжал осмотр.

— Вероника, тут ещё кое-что. Посмотри на его ладони.

Она присела рядом. На правой ладони покойного, ближе к запястью, виднелась тонкая ссадина и краснота — словно он пытался за что-то ухватиться, и кожа содралась.

— Защищался? — предположил Соловьёв.

— Или хватался за перила, когда его толкнули или тащили, — задумчиво ответила Вероника. — А под ногтями? Игорь, возьми соскобы. Если он сопротивлялся, под ногтями могут быть частицы кожи или ткани нападавшего.

— Уже делаю, — кивнул судмедэксперт, доставая инструменты.

Пока эксперты ЦКР работали с телом, Соловьёв отошёл в сторону и закурил, разглядывая фасад дома. Окна, балконы, забитые старой мебелью и банками для солений. Обычный дом, обычные люди. И вот — труп под окнами. Старик, который, судя по всему, не сам упал и разбил голову.

К следователю подошла та самая полная женщина в халате, что обнаружила тело. Её уже немного отпоило водой и валерьянкой подоспевшей фельдшерницей, и теперь она нервно теребила пояс халата.

— Скажите, а это правда... что его убили? — спросила она дрожащим голосом.

— Пока рано говорить, — уклончиво ответил Соловьёв. — А вы кто будете?

— Тамара я. Тамара Жильцова, с первого этажа. Я как вышла мусор выносить, так и наткнулась... ой, до сих пор перед глазами стоит. Хороший был человек, Виктор Семёныч. Тихий, вежливый. С внуками во дворе всегда здоровался.

— А не знаете, не было ли у него врагов? Может, конфликты с кем?

Тамара замаялась, отвела взгляд.

— Да как сказать... Это вы лучше у других спросите. Я не сплетница.

И этот её взгляд, и эта заминка не укрылись от опытного глаза следователя. Соловьёв сделал пометку в блокноте: «Жильцова Тамара, 1 эт. — что-то знает».

Тем временем Вероника осматривала пространство вокруг крыльца. Куст сирени, бетонный бордюр, узкая полоска газона. Она прошла вдоль стены дома, заглянула за угол. И там, у спуска в подвал, она остановилась.

— Андрей! — окликнула она. — Иди сюда.

Соловьёв подошёл. У металлической двери, ведущей в подвал, на бетонных ступеньках виднелись свежие потёртости и пара тёмных капель.

— Кровь? — спросил следователь.

— Похоже на то. Возьму на анализ. — Вероника присела и осторожно собрала образец. — И смотри сюда. — Она указала на дверной косяк подвала. Там, на облупленной поверхности, виднелся мазок — светло-голубой. Тот самый цвет. — Вот наша краска. Где-то здесь, внизу, либо в подвале, либо рядом, есть что-то, выкрашенное в голубой. И, кажется, именно отсюда тащили тело.

Соловьёв присвистнул.

— Значит, убили внизу, а потом выволокли к подъезду, чтобы выглядело как падение.

— Возможно. Но не будем спешить с выводами, — Вероника поднялась, отряхивая колени. — Сначала факты, потом версии. Нужно осмотреть подвал. И опросить всех жильцов. Кто-то ведь должен был хоть что-то слышать. Ночью, в тихом дворе, перетащить тело — это не бесшумная операция.

Она бросила взгляд на ряды окон.

— Кто-то наверняка видел. Или слышал. Вопрос в том, захотят ли они говорить.

Тенякин закончил работу с телом и подошёл к ним, стягивая перчатки.

— Готово. Тело можно увозить. Окончательное заключение — после вскрытия, но я уже сейчас уверен: это не несчастный случай. Удар был нанесён сзади, под определённым углом. Сам человек так не падает.

— Спасибо, Игорь, — кивнула Вероника. — Значит, у нас убийство.

Соловьёв затушил сигарету и тяжело вздохнул, оглядывая дом.

— Тихий двор, мирные пенсионеры, бабушки на лавочках. И на тебе. Кто же мог поднять руку на старика?

— Это нам и предстоит узнать, — Вероника застегнула куртку, готовясь спускаться в подвал. — И начнём мы с этой голубой краски. Она не появилась здесь случайно. Кто-то совсем недавно что-то красил. И этот кто-то, я почти уверена, и есть наша ниточка к убийце.

Она включила фонарик и шагнула к тёмному провалу подвальной двери. Откуда-то снизу тянуло сыростью, плесенью и едва уловимым запахом чего-то ещё — металлическим, тревожным. Запахом, который опытный криминалист ни с чем не спутает.

Запахом смерти.

Где-то наверху, за одним из множества тёмных окон пятиэтажки, дрогнула занавеска. Кто-то наблюдал за работой следствия. И этот кто-то очень не хотел, чтобы правда об этой ночи когда-нибудь вышла наружу.

Глава 2. Соседи молчат

Подвал оказался именно таким, каким и должен быть подвал старой пятиэтажки: низкий потолок с паутиной труб, тусклые лампочки, забранные ржавыми решётками, и затхлый воздух, пропитанный сыростью. Вероника Дробышева медленно шла вдоль коридора, освещая фонариком стены и пол. За ней, пригибаясь, чтобы не задеть головой трубы, следовал Соловьёв.

— Вот, смотри, — Вероника остановилась у небольшого закутка, отгороженного дощатой перегородкой. Это была кладовка, в которой жильцы хранили всякую всячину: старые санки, велосипеды, банки, инструменты. На полу здесь виднелось тёмное пятно, частично затёртое, словно кто-то наспех пытался отмыть его водой.

— Кровь, — уверенно сказала Вероника, присев и проведя реагентом по краю пятна. — Замывали, но не до конца. Под ультрафиолетом всё будет как на ладони.

Она достала специальный фонарь и выключила обычный свет. В фиолетовом свечении на полу и нижней части стены проступили светящиеся разводы — следы крови, которые кто-то старательно, но безуспешно пытался уничтожить.

— Вот здесь его и ударили, — тихо произнесла она. — А потом замыли пол и потащили наверх, к подъезду. Чтобы выглядело как несчастный случай. Расчёт был на то, что старик, мол, споткнулся в темноте и упал.

— Дилетант, — буркнул Соловьёв. — Любой бы понял, что под ним крови нет.

— Не любой. И не сразу. Если бы не вызвали ЦКР, участковый вполне мог бы списать на падение. Старик, поздний час, плохое зрение... Заключение бы написали быстро. — Вероника выпрямилась. — Тот, кто это сделал, рассчитывал именно на это. Но он торопился и нервничал. Замыл плохо, тело тащил неаккуратно. Это не профессионал. Это кто-то свой. Кто-то из жильцов, кого внезапно припёрло к стенке.

Она обвела фонариком кладовку. И вот тут, в углу, на полке, она заметила пустую банку из-под краски. Светло-голубой. Краска засохла потёками по краям.

— А вот и источник нашей голубой краски, — Вероника сфотографировала находку. — Видимо, кто-то недавно красил тут что-то этим цветом. Когда тащили тело, оно соприкоснулось с окрашенной поверхностью или со следами краски на полу. Игорь возьмёт образец и сравнит с частицами на одежде Лапина.

Поднявшись из подвала, следователь и эксперт разделили работу. Тенякин с телом отправился в морг ЦКР, а Соловьёв с двумя оперативниками — Костей Рыжовым и Денисом Платовым — начал поквартирный обход. Вероника решила пройтись с ними: ей хотелось своими глазами увидеть жильцов, услышать их голоса, поймать те самые мелкие детали, которые часто говорят больше любых слов.

Первая квартира на третьем этаже принадлежала самому Лапину. Дверь была заперта. Соседка напротив, сухонькая старушка по имени Антонина Петровна, рассказала, что Виктор Семёнович жил один — жена умерла лет пять назад, а сын давно перебрался в другой город.

— Тихий был, спокойный, — говорила старушка, прижимая к груди старого кота. — Никогда ни с кем не ругался. Ну, почти никогда.

— Почти? — тут же зацепился Соловьёв. — А с кем ругался?

Антонина Петровна вдруг замкнулась.

— Да это я так. Не знаю я ничего. Старая стала, всё путаю.

И снова — та же реакция, что и у Тамары Жильцовой. Люди что-то знали, но молчали, словно сговорившись.

Следующие несколько квартир дали один и тот же результат. «Ничего не слышали». «Спали крепко». «Ночью к окну не подходили». Молодая мать с грудным ребёнком клялась,

что не спала всю ночь из-за младенца, но никаких криков или шума со двора не слышала. Мужчина с пятого этажа, водитель-дальнобойщик, вообще был в рейсе и вернулся только утром.

— Странно, — сказал Соловьёв, когда они вышли на лестничную площадку. — Целый дом, ночь, кто-то тащит тело через двор, замывает кровь в подвале — и ни одна живая душа ничего не видела и не слышала. Так не бывает.

— Бывает, — отозвалась Вероника, — когда люди боятся. Или, когда они кого-то покрывают. Этот двор — как одна большая семья. Все друг друга знают десятилетиями. И если они молчат, значит, либо боятся убийцу, либо... сочувствуют ему.

Они поднялись на второй этаж. Здесь, в квартире номер двенадцать, жила Нина Корнеева — женщина лет пятидесяти, работавшая медсестрой в районной поликлинике. Дверь она открыла не сразу. А когда открыла, Вероника сразу обратила внимание на её состояние: бледное лицо, покрасневшие глаза, дрожащие руки. Женщина явно не спала ночь и явно была сильно напугана.

— Здравствуйте, Нина... простите, отчество? — мягко начал Соловьёв.

— Васильевна, — еле слышно ответила она.

— Нина Васильевна, вы, наверное, уже знаете о трагедии. Ваш сосед, Виктор Семёнович Лапин, погиб этой ночью. Мы опрашиваем жильцов. Можно к вам на пару минут?

Корнеева судорожно сглотнула и кивнула, отступая в глубь квартиры. Она не пригласила гостей в комнату — они остались в тесной прихожей. Вероника отметила, что женщина старается не встречаться с ними взглядом и нервно тербит край кофты.

— Вы вчера ночью ничего не слышали? — спросил следователь. — Может, шум во дворе, голоса, что-то ещё?

— Нет... ничего, — слишком быстро ответила Корнеева. — Я спала. Крепко спала.

— Вы уверены? — Вероника шагнула чуть вперёд, внимательно глядя на женщину. — Ваши окна выходят во двор, как раз на второй подъезд. И вы — медсестра, привыкли к чуткому сну, к ночным дежурствам. Неужели совсем ничего?

Корнеева вздрогнула. Её пальцы сжались.

— Я... я приняла снотворное. Голова болела. Спала как убитая.

«Как убитая». Вероника чуть приподняла бровь. Неудачное выражение для человека, чей сосед только что погиб насильственной смертью.

— Нина Васильевна, — тихо сказала эксперт, — вы хорошо знали Виктора Семёновича?

— Здоровались. Соседи же. — Голос женщины дрогнул.

— А вы не знаете, у него были с кем-то конфликты? Может, ссоры из-за денег, из-за дома?

При слове «деньги» Корнеева заметно побледнела ещё сильнее. На долю секунды в её глазах мелькнул настоящий ужас.

— Я ничего не знаю, — почти выкрикнула она. — Простите, мне нехорошо. Мне надо прилечь.

— Конечно, — Соловьёв отступил. — Извините за беспокойство. Если что-то вспомните — вот моя карточка.

Корнеева взяла визитку дрожащими пальцами, и оперативники вышли. Дверь за ними захлопнулась поспешно, и они услышали, как изнутри дважды повернулся ключ в замке.

— Она знает, — твёрдо сказала Вероника, когда они спустились на пролёт ниже. — Она не просто что-то слышала. Она в ужасе. Видел, как она отреагировала на слово «деньги»?

— Видел, — кивнул Соловьёв. — И как она дёрнулась, когда ты упомянула её окна. Они точно выходят во двор. Она наверняка что-то видела этой ночью.

— Видела или участвовала, — задумчиво произнесла Вероника. — Но скорее видела. У неё страх свидетеля, а не вина соучастника. Она боится говорить. Боится за себя. Или за кого-то.

Они вышли во двор. Дождь, обещанный утренними тучами, наконец начал накрапывать. Костя Рыжов, ходивший по соседним подъездам, подбежал к ним, пряча блокнот под куртку.

— Андрей Викторович, я тут поговорил с пацанами из соседнего дома. Они вчера допоздна на спортплощадке торчали. Так вот, один говорит, что около полуночи слышал, как во дворе кто-то ругался. Громко. Мужской голос и... вроде женский тоже.

— Вот как, — оживился Соловьёв. — А разобрал, о чём?

— Нет, далеко было. Но говорит, что ругались сильно. А потом всё стихло.

— Около полуночи, — повторила Вероника. — Как раз время смерти, по предварительной оценке Тенякина. Значит, ссора, потом удар, потом — попытка скрыть.

Она посмотрела на окна второго этажа, где жила Корнеева. Занавеска снова едва заметно колыхнулась.

— Андрей, — медленно проговорила Вероника, — а ведь это та самая занавеска, что дрогнула утром, когда мы только приехали. Помнишь, я говорила, что за нами наблюдают? Это была её квартира. Корнеева следит за следствием. Она напугана до смерти. И рано или поздно она заговорит — если правильно подобрать ключ.

— А пока, — Соловьёв застегнул куртку под начавшимся дождём, — давай выясним, о каких таких деньгах все так упорно молчат. Старушка Антонина что-то про ссоры обмолвилась. Жильцова явно знает. И Корнеева на слове «деньги» едва в обморок не упала. В этом доме крутятся какие-то деньги, и вокруг них — какая-то грязная история.

Денис Платов, второй оперативник, как раз подошёл с новостью:

— Андрей Викторович, я выяснил насчёт собраний жильцов. Тут недавно скандал был на весь дом. Из-за денег на ремонт крыши. Собрали солидную сумму, а потом начались разборки — куда они делись. И главный спорщик был как раз... — он заглянул в записи, — Лапин Виктор Семёнович. Покойный наш.

Вероника и Соловьёв переглянулись.

— Деньги на ремонт крыши, — повторила Вероника. — Вот и появился мотив. Старик что-то узнал. Что-то, чего ему знать не следовало. И его за это убили.

Она бросила последний взгляд на молчаливые окна пятиэтажки, за которыми скрывались десятки людей, упорно делавших вид, что ничего не знают.

— Тихий двор, — усмехнулась она невесело. — Слишком тихий. Они все молчат. Но молчание тоже бывает уликой. И завтра мы узнаем, кто собирал эти деньги — и кому было выгодно, чтобы Виктор Лапин замолчал навсегда.

Глава 3. Старый конфликт

Утро следующего дня началось в лаборатории ЦКР. Вероника Дробышева сидела за столом, заваленным распечатками и пакетиками с уликами. Перед ней лежали два предметных стекла под микроскопом, и она поочерёдно разглядывала образцы краски — те, что были собраны с одежды Лапина, и те, что взяли с банки в подвале.

— Совпадение полное, — сказала она вошедшему Тенякину. — Состав, пигмент, структура. Краска с одежды покойного и краска из той банки в подвале — из одной партии. Тело однозначно тащили из кладовки.

Тенякин кивнул и положил перед ней папку с заключением о вскрытии.

— А у меня для тебя подтверждение. Смерть наступила от черепно-мозговой травмы. Один удар, нанесённый сзади и сверху вниз, длинным узким предметом с твёрдой кромкой. Удар сильный, но... — он помедлил, — но не профессиональный. Бил человек неопытный, в состоянии аффекта. Угол, сила, направление — всё говорит о панике, а не о хладнокровном расчёте. И ещё: под ногтями Лапина мы нашли частицы кожи и волокна ткани. Тёмно-синие, трикотажные. Он явно цеплялся за нападавшего перед смертью или сразу после удара, когда падал.

— Значит, у нашего убийцы где-то на руке или предплечье царапины, — заметила Вероника. — И тёмно-синяя одежда. Трикотаж — свитер или кофта. Уже кое-что.

— И вот ещё, — Тенякин достал отдельный листок. — Время смерти я уточнил: между двадцатью тремя и нолём тридцать. Как раз совпадает с показаниями того парня со спортплощадки про ссору во дворе около полуночи.

Вероника откинулась на спинку стула и потёрла переносицу.

— Хорошо. Тогда давай восстановим картину. Поздним вечером Лапин по какой-то причине спускается в подвал. Возможно, его туда позвали. Возможно, он сам кого-то застал. Там происходит ссора — её слышали ребята. Затем — удар. Убийца в панике замыкает кровь, вытаскивает тело во двор, к подъезду, чтобы инсценировать падение. И всё это — посреди ночи, в доме, где все друг друга знают. — Она встала. — Осталось понять, из-за чего была ссора. И тут, я думаю, ключ — те самые деньги на ремонт крыши.

В этот момент в лабораторию вошёл Соловьёв. Вид у него был оживлённый.

— Я нарыл про деньги, — с порога заявил он. — Поехали, по дороге расскажу. Нас ждёт председатель дома.

В машине следователь раскрыл блокнот.

— Значит, так. Полгода назад в доме затеяли ремонт крыши — текла после каждого дождя, верхним этажам совсем житья не стало. Управляющая компания тянула, и жильцы решили собрать деньги сами, скинуться, чтобы нанять бригаду побыстрее. Председатель дома, некто Павел Аркадьевич Грачёв, организовал сбор. Сумма набралась немаленькая — около трёхсот тысяч. Деньги собирали наличными, под расписку, и хранил их председатель.

— Наличными, — хмыкнула Вероника. — Классика жанра. И что дальше?

— А дальше начались странности. Бригаду нанимали-нанимали, да так толком и не наняли. Крышу подлатали кое-как, по дешёвке, силами какого-то знакомого Грачёва. А деньги... деньги стали испаряться. Лапин, как выяснилось, был человеком въедливым. Бывший бухгалтер, между прочим. Он начал требовать отчёт: куда ушли средства, где чеки, где сметы. И вот тут-то и разгорелся скандал.

— Бухгалтер, — Вероника удовлетворённо кивнула. — Вот почему молчал весь дом. Лапин копал. А кому-то это было поперёк горла.

Дом Грачёва — тот самый, что и у Лапина, только подъезд другой, первый. Председатель оказался крепким мужчиной лет шестидесяти, с громким голосом и манерой говорить так,

будто он всегда прав. Он встретил их в дверях квартиры, заставленной добротной мебелью, и сразу перешёл в наступление.

— Я уже всё знаю про Виктора, — заявил он, не дожидаясь вопросов. — Жалко мужика, конечно. Но он сам, говорят, оступился, упал. Старый был, что вы хотите.

— Откуда вы знаете, что он упал? — мягко спросила Вероника.

Грачёв на мгновение запнулся.

— Так... люди говорят. Двор же, всё сразу разносится.

— Павел Аркадьевич, — Соловьёв сел на предложенный стул, — расскажите про деньги на ремонт крыши.

Лицо председателя налилось краской.

— А при чём тут деньги? Это что, допрос? Я честный человек! Всё собрал, всё потратил на дело! Крышу залатали? Залатали!

— Кое-как, по словам жильцов, — заметила Вероника. — А собрали триста тысяч. Где сметы? Где чеки? Где отчёт?

— Какие чеки! — взвился Грачёв. — Я по-простому всё сделал, по-соседски! Договорился со знакомыми, они недорого взяли! А кто остался недоволен — тот пусть сам организует, посмотрю я на него!

— Виктор Лапин был недоволен, — спокойно сказал Соловьёв. — Он требовал отчёта. У вас с ним был конфликт. Серьёзный.

Грачёв замолчал. Было видно, как он лихорадочно соображает.

— Ну был, — наконец выдал он. — Пospорили. На собрании. Он, видишь ли, бухгалтер бывший, всё ему циферки подавай. Прицепился ко мне, мол, ворую я. При всех меня позорил! Я ему сказал: не нравится — иди в управляющую компанию, в прокуратуру, куда хочешь! А он...

— А он что?

— А он сказал, что так и сделает, — Грачёв сжал кулаки. — Сказал, что соберёт все бумаги, всех опросит, кто сколько сдавал, и пойдёт куда следует. Грозился, что меня посадят.

В комнате повисла тишина. Соловьёв и Вероника переглянулись. Мотив был налицо — и Грачёв сам, в запале, его выложил.

— Где вы были позавчера ночью, Павел Аркадьевич? — тихо спросил следователь. — С одиннадцати вечера до часу ночи?

Грачёв побледнел.

— Дома! Дома я был, спал! Жена подтвердит!

— Жена, — повторила Вероника. — А ещё кто-нибудь?

— Да вы что себе позволяете?! Вы меня в убийстве обвиняете?! — заорал председатель. — Я пальцем его не трогал! Да, ругались, да, грозил он мне! Но я его не убивал!

— А деньги? — Вероника не повышала голоса. — Если вы их не присвоили, докажите. Покажите расходы. Это снимет с вас половину подозрений.

Грачёв заметался по комнате. Потом выдохнул и тяжело опустился в кресло.

— Часть денег я... одолжил, — наконец признался он глухо. — Временно. У меня долги были, прижало. Я собирался вернуть, честное слово! Я бы вернул! А крышу да, по дешёвке заделал, чтобы хватило. Но Лапин раскопал. Он умный был, чёрт... Понял, что суммы не сходятся. И начал давить.

— Сколько вы взяли? — спросил Соловьёв.

— Около ста тысяч, — пробормотал Грачёв. — Но я не убивал! Клянусь! Да, я вор, признаю, растратчик, как хотите называйте. Но не убийца!

Вероника внимательно наблюдала за ним. И верила — почти верила. Грачёв был жуликом, мелким и трусливым, из тех, кто способен украсть, но не убить. Однако чутьё подсказывало ей, что в этой истории есть второе дно.

— Виктор Лапин собирал бумаги, — сказала она. — Опрашивал жильцов, кто сколько сдавал. Скажите, Павел Аркадьевич, а кому ещё, кроме вас, было невыгодно, чтобы всплыла правда об этих деньгах? Вы один распорядились сбором?

Грачёв поднял на неё затравленный взгляд. И вдруг, словно вспомнив что-то, отвёл глаза.

— Нет, — медленно произнёс он. — Не один. Мне помогали собирать. Ходили по квартирам, вели списки. Двое.

— Кто?

— Корнеева Нина, со второго этажа. Она у нас вроде старшей по подъезду была. И... — Грачёв сглотнул, — и Митины. Сергей с Ольгой, с четвёртого этажа. Ольга списки вела, распiski. Аккуратная, въедливая баба. Все цифры через неё проходили.

Вероника и Соловьёв снова переглянулись. Нина Корнеева — та самая, что тряслась от страха и бледнела при слове «деньги». И ещё двое — Митины, имя которых прозвучало впервые.

— А почему вы решили, что им тоже было невыгодно? — спросил следователь.

Грачёв замаялся.

— Да потому что... не я один там... руки погрел, — выдавил он наконец. — Часть денег и через них прошла. Я-то взял сто, а недостача всего вышла под двести. Куда ушли остальные — у Ольги Митиной спрашивайте. Это она бумагами заправляла. Я только крайним оказался, потому что председатель.

На обратном пути в машине Вероника задумчиво смотрела в окно.

— Знаешь, Андрей, мне кажется, Грачёв не врёт про убийство. Он жулик, но не убийца. Он бы скорее сбежал или откупился, чем пошёл бы на такое.

— Согласен, — кивнул Соловьёв. — Но он указал нам на новых фигурантов. Корнеева, которая трясётся от страха. И Митины, которые вели всю бухгалтерию.

— Тёмно-синий трикотаж под ногтями жертвы, — напонила Вероника. — Царапины на руках убийцы. Удар в состоянии аффекта, без расчёта. Знаешь, на кого это похоже? На человека, который не планировал убивать. Который оказался загнан в угол. И ударил от отчаяния, защищая что-то очень важное.

Соловьёв притормозил у светофора.

— Завтра займёмся Митиными. И ещё раз навестим Корнееву. Думаю, она дозрела. После бессонной ночи и наших визитов она на грани.

— Дозрела, — согласилась Вероника. — Старый конфликт из-за денег, который тянулся месяцами. Растрата, в которой замешаны несколько человек. И старик-бухгалтер, который вот-вот вывел бы всех на чистую воду. — Она прищурилась. — Один из этих людей понял, что теряет всё. И решил, что мёртвый Лапин надёжнее живого. Осталось понять, кто именно держал в руках оружие убийства.

Глава 4. След на лестнице

Дождь, ливший всю ночь, к утру унялся, оставив после себя умытый, поблёскивающий лужами двор. Вероника Дробышева вернулась на место преступления одна, ещё до приезда оперативников. Ей хотелось пройти весь путь убийцы заново — от подвала до подъезда, шаг за шагом, чтобы понять то, что упустила в первый раз.

Она спустилась в подвал, постояла в кладовке, где засохла кровь, потом медленно поднялась по тёмной лестнице, ведущей наверх, к выходу во двор. И вот здесь, на полпути, её внимание привлекли перила.

Старые металлические перила, выкрашенные облупившейся зелёной краской. Но в одном месте, ближе к верхней ступеньке, на них виднелся свежий потёртый след — и крошечные чешуйки чего-то светлого. Вероника достала лупу.

— Голубая краска, — пробормотала она. — Снова она.

Она аккуратно собрала образец. Картина прояснялась: убийца тащил тело вверх по этой лестнице, и в какой-то момент окровавленные руки или одежда жертвы соприкоснулись с перилами. Но откуда снова голубая краска? Банка из кладовки была пуста и засохла. Значит, был ещё источник.

Вероника присела и осмотрела ступеньки. И тут она заметила нечто новое — на бетоне, у основания перил, лежал тонкий след, словно кто-то задел свежееккрашенным предметом. Длинный, узкий мазок голубого цвета.

— Длинный узкий предмет, — повторила она слова Тенякина об оружии убийства. — Окрашенный голубым. Вот оно.

Когда приехал Соловьёв с оперативниками, Вероника уже знала, что искать.

— Орудие убийства — что-то длинное, узкое и недавно покрашенное в голубой цвет, — объявила она. — Возможно, металлический прут, труба, ручка от инструмента. Им красили что-то той самой краской из подвала. И этим же предметом ударили Лапина. Нам нужно найти инструмент с голубой краской. У кого-то из жильцов он есть.

— Митины недавно делали ремонт, — вспомнил Костя Рыжов, листая записи опросов. — Соседи говорили, у них на балконе всё лето что-то стучало, красили, пилили.

— Тогда начнём с них, — решил Соловьёв.

Митины жили на четвёртом этаже. Дверь открыл сам Сергей Митин — худощавый мужчина лет сорока пяти, с нервным, измождённым лицом и бегающим взглядом. Увидев на пороге следователя и эксперта ЦКР, он заметно вздрогнул.

— Сергей Митин? — уточнил Соловьёв. — Мы по поводу гибели вашего соседа, Виктора Лапина. Можно войти?

Митин сглотнул и неохотно отступил, пропуская гостей. В квартире пахло свежей краской и опилками — ремонт, похоже, и впрямь шёл недавно. Вероника сразу же, словно невзначай, прошлась взглядом по прихожей и по приоткрытой двери на застеклённый балкон, где громоздились банки, кисти и инструменты.

— Ваша жена дома? — спросил Соловьёв.

— Ольга? Нет, она... в магазин вышла, — ответил Митин, и голос его дрогнул. — Скоро будет.

— Хорошо. Тогда поговорим пока с вами. Сергей, вы участвовали в сборе денег на ремонт крыши?

Митин побледнел.

— Жена... жена занималась бумагами. Я так, помогал немного. По квартирам ходил.

— А Лапин требовал отчёта по этим деньгам. Вы знали об этом?

— Знал, — еле слышно сказал Митин. — Все знали. Он на собрании шум поднял.

— У вас были с ним конфликты?

— Нет! — слишком резко ответил Митин. — Я с ним вообще... почти не общался.

Вероника тем временем медленно подошла к балкону.

— Можно? — спросила она и, не дожидаясь ответа, шагнула внутрь. На полу балкона стояли банки с краской. Среди них — две банки светло-голубой. Той самой. А у стены, при-слонённые в углу, стояли инструменты: малярные валики, кисти, шпатели и несколько длинных металлических прутьев — направляющие для гипсокартона.

Один из прутков был выпачкан голубой краской. Длинный, узкий, с твёрдой кромкой. Вероника наклонилась ближе, не прикасаясь. На светлой поверхности краски, ближе к концу прута, темнело едва заметное пятно. И крошечный волосок, прилипший к металлу.

Сердце её забилось чаще. Она достала телефон и сфотографировала находку, потом обернулась к Соловьёву и едва заметно кивнула.

— Сергей Митин, — Соловьёв шагнул к балкону, — этот предмет нам придётся изъять для экспертизы. И не только его. Все инструменты и краску.

Лицо Митина исказилось. Он метнулся к балкону, но оперативники его удержали.

— Не трогайте! — закричал он. — Это не то, что вы думаете!

— А что мы думаем? — тихо спросила Вероника, глядя ему прямо в глаза.

Митин осёкся. Его трясло.

— Я... я ничего не сделал, — забормотал он. — Это случайность... я не хотел...

— Вы признаётесь в убийстве Виктора Лапина? — Соловьёв подался вперёд.

— Я... да, — выдохнул Митин и закрыл лицо руками. — Это я. Я его ударил. В подвале. Мы поссорились из-за денег, и я... схватил эту железяку и ударил. Я не хотел его убивать, клянусь!

В комнате повисла тяжёлая тишина. Костя Рыжов уже доставал наручники. Казалось, дело раскрыто — убийца сознался, оружие найдено, мотив налицо.

Но Вероника не двигалась. Она внимательно смотрела на трясущегося Митина — и что-то её не устраивало. Слишком быстро. Слишком гладко. И руки. Она бросила взгляд на его кисти и предплечья — они были чистыми, без единой царапины. А под ногтями Лапина были частицы кожи и тёмно-синий трикотаж. Митин же был в светлой клетчатой рубашке.

— Сергей, — медленно произнесла она, — расскажите, как именно вы его ударили. Покажите.

Митин растерянно заморгал.

— Ну... ударил. Сзади. По голове.

— Каким концом прута? Как держали? Под каким углом? — Вероника не отступала. — Лапин сопротивлялся? Он за вас цеплялся?

— Я... я не помню, всё как в тумане, — Митин совсем сник. — Просто ударил, и всё.

Вероника выпрямилась.

— Андрей, на минуту, — сказала она и отвела следователя в сторону. — Он врёт.

— Врёт? Он же сознался, — удивился Соловьёв.

— Сознался слишком охотно и не знает деталей. У него нет царапин. На нём светлая рубашка, а под ногтями жертвы — тёмно-синий трикотаж. Тенякин сказал: удар нанёс человек в состоянии аффекта, но при этом сверху вниз, с определённой силой и под углом. Рост убийцы и положение Лапина в момент удара... — Вероника покачала головой. — Что-то не сходится. Он берёт чужую вину на себя.

— Чью?

В этот момент входная дверь хлопнула. На пороге появилась женщина с пакетами из магазина — невысокая, плотная, с собранными в пучок тёмными волосами и цепким, насто-роженным взглядом. Это была Ольга Митина. Увидев в квартире посторонних, наручники в руках оперативника и мужа со склонённой головой, она замерла.

— Что здесь происходит? — резко спросила она, и пакеты выпали из её рук.

Вероника обернулась — и сразу же отметила то, что искала. На Ольге Митиной была тёмно-синяя трикотажная кофта. А на тыльной стороне её правой кисти, чуть выше запястья, виднелись две свежие, едва затянувшиеся царапины.

— Ольга Митина? — спокойно спросила Вероника, подходя ближе. — Скажите, откуда у вас эти царапины на руке?

Ольга мгновенно спрятала руку за спину.

— Об кошку. Кошка поцарапала.

— У вас нет кошки, — заметил Костя Рыжов, заглянув в записи. — В опросе вы сами говорили, что животных не держите.

Лицо Ольги окаменело. А Сергей Митин вдруг рванулся вперёд.

— Это я! Я убил! Её не трогайте! — закричал он. — Я сознался, слышите! Я!

— Сергей, замолчи, — глухо сказала Ольга, не сводя глаз с Вероники.

— Сергей Митин выгораживает вас, Ольга, — тихо сказала эксперт. — Он взял вину на себя. Но он не убивал. На нём нет ни царапин, ни синего трикотажа. А вот на вас — и то, и другое. Под ногтями Виктора Лапина мы нашли частицы кожи и тёмно-синие волокна. Когда он падал, он вцепился в свою убийцу. В вас.

Ольга молчала. Лицо её было белым как мел.

— Вы вели всю бухгалтерию по сбору денег, — продолжала Вероника. — Часть из них исчезла. Лапин это раскопал. Он собирался идти в прокуратуру. И тогда всплыло бы всё — и растрата Грачёва, и то, к чему приложили руку вы с мужем. Вам грозил суд, позор, тюрьма. Вы пытались защитить семью. Защитить мужа. И этой ночью в подвале вы ударили Виктора Лапина прутом, которым перед этим красили на балконе.

Сергей Митин зарыдал, осев на стул. А Ольга вдруг подняла голову, и в её глазах блеснули слёзы — первые настоящие чувства за весь разговор.

— Изымаем оружие на экспертизу, — твёрдо сказал Соловьёв. — Ольга Митина, вам придётся проехать с нами.

Вероника смотрела на застывшую женщину и понимала: последний акт этой тихой дворовой трагедии ещё впереди. И завтра экспертиза ЦКР поставит в этом деле окончательную точку.

Глава 5. Чужая вина

Лаборатория ЦКР гудела от привычной утренней работы. Вероника Дробышева стояла у большого стола, на котором, в прозрачном пакете для улики, лежал металлический прут со следами голубой краски — то самое орудие, изъятое на балконе Митиных. Рядом сидел Тенякин, заполняя бланк заключения.

— Ну, выкладывай, — сказал вошедший Соловьёв. — Что показала экспертиза?

— Всё сошлось, — Вероника развернула к нему монитор с результатами. — На пруте — кровь Виктора Лапина. Группа, ДНК — совпадение стопроцентное. Это орудие убийства, сомнений нет. На нём же — частицы той самой голубой краски, что мы нашли на одежде покойного, на перилах лестницы и на банке в подвале. Единая цепочка.

— А отпечатки?

— А вот тут самое интересное, — Вероника прищурилась. — Прут протёрли. Кто-то старательно стёр отпечатки. Но не до конца. На рукоятке, под слоем краски, в микротрещинах сохранился потожировой след. И он принадлежит не Сергею Митину. Он принадлежит Ольге Митиной.

Соловьёв удовлетворённо кивнул.

— Значит, держала орудие именно она.

— Именно она, — подтвердила Вероника. — И это ещё не всё. Помнишь частицы кожи и тёмно-синие волокна под ногтями Лапина? ДНК кожи — Ольги Митиной. Волокна совпадают с трикотажем её кофты, той самой, в которой она вернулась из магазина. А царапины на её руке полностью соответствуют тому, как человек цепляется за обидчика в момент падения. Лапин, получив удар, успел схватить её за руку, прежде чем упасть. Эти царапины — его последняя отметка. Его подпись на убийце.

Тенякин добавил, не отрываясь от бумаг:

— И по биомеханике всё сходится. Рост Ольги Митиной, длина прута, угол удара сверху вниз — всё точно соответствует характеру раны. А вот Сергей Митин выше жены на голову, и удар, нанеси его он, шёл бы под другим углом. Его «признание» противоречит экспертизе. Он физически не мог нанести этот удар так, как он был нанесён.

— Чужая вина, — тихо произнесла Вероника. — Сергей взял на себя то, чего не совершал. Из любви. Чтобы спасти жену.

Соловьёв тяжело вздохнул.

— Пора заканчивать. Ольга Митина ждёт в комнате для допросов. И, кстати, заговорила ещё одна свидетельница. Нина Корнеева пришла сама, утром. Не выдержала.

В небольшой комнате для допросов Ольга Митина сидела прямо, сложив руки на коленях. Царапины на её правой кисти были теперь заклеены пластырем. Лицо осунулось за ночь, но взгляд оставался твёрдым.

Вероника и Соловьёв сели напротив.

— Ольга, — начал следователь, — экспертиза завершена. На орудии убийства — ваши отпечатки и кровь Лапина. Под ногтями жертвы — ваша кожа и волокна вашей кофты. Царапины на руке. Всё указывает на вас. Ваш муж пытался взять вину на себя, но это бесполезно — по экспертизе он не мог нанести удар. Расскажите, как всё было.

Ольга долго молчала, глядя в одну точку. Потом её плечи опустились, и она заговорила — глухо, ровно, как будто читала чужую историю.

— Деньги на крышу... всё началось с них. Грачёв собрал, я вела бумаги. И он, председатель наш, стал потихоньку таскать. Сначала немного. А потом и мы с Сергеем... — она запнулась. — У нас кредит висел, за квартиру, за ремонт. Душил. Сергея на работе сократили. А тут эти деньги, наличные, под рукой. Я думала — займём, потом вернём, никто и не заметит.

Сначала тридцать тысяч. Потом ещё. Грачёв сам брал, ему было не до проверок. Я подделала пару расписок, подправила суммы в списках. Думала, всё сойдёт.

— Но не сошло, — мягко сказала Вероника.

— Лапин, — Ольга горько усмехнулась. — Виктор Семёныч. Бухгалтер этот. Дотошный, как пёс. Он начал считать. Ходил по квартирам, спрашивал, кто сколько сдавал. И понял, что цифры не бьются. Что украдено почти двести тысяч. Он вычислил и Грачёва, и нас. В тот вечер он позвонил мне. Сказал — спустись в подвал, в кладовку, поговорить надо. Без лишних ушей.

Она замолчала, сглотнула.

— Я спустилась. Он стоял там, со своей папкой. Показал мне копии расписок, свои расчёты. Сказал: «Оля, я всё знаю. И про тебя, и про Сергея. Завтра иду в прокуратуру. Я долго думал, но молчать не имею права. Воровать у соседей, у стариков, у тех, кто последнее отдавал на эту крышу, — это подло». — Голос Ольги дрогнул. — Я умоляла его. Говорила про кредит, про то, что Сергея посадят, что у нас всё рухнет. А он только головой качал. «Закон есть закон», — говорил.

— И тогда вы его ударили, — тихо сказал Соловьёв.

— Я не помню, как это вышло, — прошептала Ольга, и по щеке её скатилась слеза. — У меня внутри как будто что-то лопнуло. Я представила, как Сергея уводят в наручниках, как над нами весь двор смеётся, как мы остаёмся ни с чем... Рядом стоял этот прут, я им краску мешала днём. Я схватила его и... ударила. Сзади. Он успел обернуться, схватил меня за руку, поцарапал. А потом упал. И всё. Тишина.

Она закрыла лицо ладонями.

— Я стояла над ним и не верила. Кровь, эта папка с бумагами рядом... Я была в ужасе. Замыла пол, как могла. Бумаги его забрала, потом сожгла. А тело... я не могла оставить его в подвале. Подумала — вытащу во двор, к крыльцу, пусть думают, что упал, споткнулся в темноте. Старый ведь, кто проверять станет. Я тащила его по лестнице одна, в темноте, чуть не надорвалась. Вот тогда, наверное, и измазала всё этой краской, будь она проклята.

— А Сергей? — спросила Вероника.

— Сергей ничего не знал, — твёрдо сказала Ольга, подняв заплаканное лицо. — Спал. Я вернулась под утро, он и не проснулся. Я ему утром только сказала, когда тело уже нашли. Он чуть с ума не сошёл. А когда вы пришли... он решил меня выгородить. Сам, я его не просила. Глупый он у меня. Добрый и глупый. — Она всхлипнула. — Не трогайте его. Он не виноват. Это всё я. Одна я.

В комнате повисла тишина. Вероника смотрела на эту женщину — обычную, измученную жизнью, загнавшую себя в угол сначала жадностью, а потом страхом. Не злодейку. Просто человека, который однажды переступил черту, а потом, чтобы скрыть один грех, совершил другой, куда более страшный.

— Ваш муж не будет привлечён за убийство, — сказала Вероника. — Его ложное признание мы зафиксировали, но экспертиза его полностью опровергает. А вот за растрату ответят и он, и вы, и Грачёв. Но убийство Виктора Лапина — на вас одной, Ольга.

Ольга кивнула, не споря.

— Я знаю, — прошептала она. — Я каждую ночь его вижу. Как он смотрел на меня перед тем, как упасть. Без злости. С жалостью. Как будто это он меня жалел, а не я его убивала. Лучше бы он кричал, ругался... А он просто сказал: «Закон есть закон». И всё.

Позже, когда Ольгу Митину увели, а протоколы были подписаны, Вероника вышла во двор той самой пятиэтажки. Соловьёв курил у машины.

— Корнеева всё подтвердила, — сказал он. — Она в ту ночь видела из окна, как Ольга тащила тело через двор. Узнала её. Но молчала — боялась. И сама была повязана: знала про растрату, сама пару тысяч из тех денег взяла. Вот и тряслась. Совесть мучила, а сознаться духу не хватало. Пока ты её взглядом не пробила.

Вероника усмехнулась и подняла глаза на окна дома. Тихий двор. Лавочки, куст сирени, детская площадка. Десятки людей, годами живших бок о бок, здоровавшихся каждое утро. И все они молчали — кто из страха, кто из круговой поруки, кто из ложного сочувствия. А один честный старик, не пожелавший молчать, заплатил за свою честность жизнью.

— Знаешь, что самое грустное, Андрей? — сказала она тихо. — Двести тысяч. Из-за двухсот тысяч человек убил человека. Из-за денег на крышу, которая всё равно течёт. Жизнь Виктора Лапина оказалась дешевле кредита Митиных.

— Дешевле, — согласился Соловьёв, затушив сигарету. — Так всегда и бывает. Сначала — мелкая подлость. Потом — страх разоблачения. А в конце — труп под окнами.

Вероника застегнула куртку. С серого неба снова начинало накрапывать.

— А ведь Лапин был прав, — сказала она, направляясь к машине. — Закон есть закон. И рано или поздно он всё равно настигает. Жаль только, что цена этой простой истины — человеческая жизнь.

Она бросила последний взгляд на крыльцо второго подъезда, где всего несколько дней назад лежал старик с разбитой головой. Двор постепенно затихал, возвращаясь к своей обычной, мнимо-мирной жизни. Но Вероника знала: за каждым тихим двором, за каждым приветливым «здравствуйте» порой скрываются тайны, способные обернуться кровью.

Дело о тихом дворе было закрыто. А значит, где-то уже ждало своего раскрытия следующее — потому что человеческая жадность, страх и подлость не кончаются никогда. И пока они существуют, будет существовать и ЦКР — те, кто умеет читать молчание, видеть невидимое и говорить за тех, кто уже никогда не сможет сказать сам.

Последний автобус

Глава 1. Пассажир без билета

Конечная остановка маршрута номер семнадцать располагалась на самой окраине города, в районе старых автобусных парков, где асфальт давно потрескался, а единственный фонарь мигал, словно из последних сил. Был поздний вечер, почти полночь, и водитель Геннадий Петрович Ушаков, отработав смену, загнал свой видавший виды автобус на разворотную площадку и заглушил двигатель.

— Конечная! Граждане, просыпаемся, приехали! — крикнул он в салон, по привычке, хотя был уверен, что автобус давно пуст.

Никто не отозвался. Геннадий Петрович тяжело поднялся с водительского кресла, потянулся, разминая затёкшую за длинную смену спину, и пошёл по проходу — проверить салон, как полагалось перед постановкой машины на ночную стоянку. Свет в салоне горел тускло, лампы кое-где помаргивали.

И вот тогда он увидел его. На последнем сиденье, у заднего окна, сидел мужчина. Он сидел, привалившись к стеклу, опустив голову на грудь, словно крепко заснул.

— Эй, мужчина! — Ушаков подошёл ближе. — Просыпайтесь, конечная! Дальше не везу, спать домой пора.

Пассажир не шевелился. Геннадий Петрович, недовольно бурча про пьяниц, которых вечно приходится расталкивать на конечной, тронул мужчину за плечо.

— Ну, гражданин, чего разлётся-то...

От лёгкого толчка тело мужчины медленно завалилось набок и сползло с сиденья. Голова безжизненно мотнулась, и Геннадий Петрович увидел его лицо — бледное, с приоткрытым ртом и остановившимся, остекленевшим взглядом. Водитель отшатнулся и едва не упал, схватившись за поручень.

— Господи... — выдохнул он. — Мёртвый...

Дрожащими руками он достал телефон и набрал номер дежурной части.

Через сорок минут разворотная площадка была освещена синими отблесками мигалок. Автобус оцепили. У открытых дверей курили, нервно затягиваясь, бледный Геннадий Петрович, а внутри салона уже работала следственно-оперативная группа Центра криминалистики и расследований.

Старший следователь Андрей Викторович Соловьёв поднялся в автобус и сразу прошёл в хвост, где над телом уже склонилась эксперт ЦКР Вероника Дробышева. Она была в перчатках и внимательно осматривала погибшего, не торопясь с выводами.

— Что у нас, Вероника? — спросил Соловьёв.

— Мужчина, на вид лет пятидесяти, — отозвалась она, не оборачиваясь. — Смерть наступила недавно, два-три часа назад, точнее скажу после вскрытия. Тело ещё тёплое, трупное окоченение только начинается.

— Криминал?

— Похоже на то, — Вероника осторожно приподняла голову погибшего, и Соловьёв увидел на шее мужчины, чуть ниже уха, небольшую точечную ранку с запёкшейся капелькой крови. — Видишь? Очень аккуратный след. Похоже на укол. Тонкая игла. Возможно, инъекция чего-то. Никаких следов борьбы, ни синяков, ни ссадин. Его не били, не душили. Кто-то подсел рядом, незаметно сделал укол — и человек тихо умер прямо в кресле. А все вокруг думали, что он спит.

— В переполненном автобусе? — нахмурился Соловьёв.

— А кто сказал, что автобус был переполнен? — Вероника выпрямилась. — Поздний рейс, последний автобус. Народу немного. Подсел сзади, сделал укол в шею — со стороны и не заметишь. Жертва, может, и вскрикнуть не успела. Или приняли за пьяного, который дёрнулся во сне.

Соловьёв повернулся к водителю, маячившему у дверей.

— Геннадий Петрович, подойдите. Вы этого пассажира помните? Когда он сел?

Ушаков нехотя поднялся в салон, стараясь не смотреть на тело.

— Да я ж не за пассажирами слежу, я за дорогой, — пробормотал он. — У меня кондуктор есть, Зинаида. Она билеты продаёт, она и народ помнит. Я только за рулём.

— А кондуктор где?

— Так домой уехала, смена кончилась. Я ж говорю — конечная, всё, пусто, как мне казалось. Я и не глянул назад толком.

— Телефон кондуктора есть?

— Есть, конечно. Зинаида Тимофеевна Прохорова. Сейчас дам.

Вероника тем временем продолжала осмотр. Она осторожно проверила карманы погибшего. Внутренний карман пиджака — пусто. Брючные карманы — пусто. Ни кошелька, ни телефона, ни ключей. Наконец, в нагрудном кармане рубашки она нащупала что-то и извлекла наружу. Это была мягкая, потёртая визитная карточка и сложенный вчетверо клочок бумаги.

— Документов нет, — сказала она. — Ни паспорта, ни прав, ничего. Зато вот это.

Она развернула клочок бумаги. На нём дрожащим, торопливым почерком было написано всего несколько слов: «Если со мной что-то случится — это они. Из-за денег».

Соловьёв присвистнул.

— Предсмертная записка? Точнее, предупреждение. Человек знал, что ему грозит опасность.

— И, судя по почерку, писал в спешке и в страхе, — добавила Вероника. — Буквы пляшут, рука дрожала. Он боялся. Знал, что за ним кто-то идёт.

Она перевернула визитку. На ней значилось: «Бухгалтерско-консалтинговая фирма "Финанс-Гарант"». И ниже, от руки, дописан телефонный номер.

— "Финанс-Гарант", — прочитала Вероника. — Уже что-то. Возможно, погибший имел отношение к этой фирме.

В это время один из оперативников, Денис Платов, обыскивавший пол под сиденьями, окликнул их:

— Андрей Викторович! Тут, под креслом, закатилось.

Он поднял с пола небольшой ламинированный прямоугольник — социальную транспортную карту. Вероника взяла её в руки.

— Транспортная карта на льготный проезд, — сказала она. — А на ней... — она прищурилась, разбирая полустёртую надпись. — Фамилия и имя владельца. Савельев Андрей Николаевич.

— Савельев, — повторил Соловьёв, записывая. — Уже неплохо. Хоть какая-то зацепка по личности.

— Карта могла выпасть у него из кармана в момент укола, — предположила Вероника. — Или её обронили, когда забирали остальные вещи. А вот документы, телефон, кошелёк — всё унесли. Это не ограбление в чистом виде. Грабитель не оставил бы записку и не стал бы делать аккуратный укол. Тут другое. Кто-то хотел, чтобы личность жертвы установили не сразу. Выиграть время. Замести следы.

Она ещё раз осмотрела руки погибшего. Ногти чистые, ухоженные. Кожа на ладонях мягкая — не рабочий, человек кабинетного труда. На запястье — белая полоска от часов, но самих часов нет. Значит, забрали и часы.

— Смотри, Андрей, — Вероника указала на ботинки погибшего. — Хорошая обувь, но запылённая, с налипшей грязью. И брюки внизу испачканы. Он много ходил пешком сегодня, причём в спешке. И вот ещё. — Она аккуратно расправила воротник его рубашки. — Воротник влажный от пота, рубашка под мышками тоже. Человек сильно нервничал, потел. Бежал, торопился, прятался. Этот Савельев провёл свой последний день в страхе. Он от кого-то скрывался.

Соловьёв задумчиво оглядел салон.

— Получается так. Савельев чего-то боялся. Написал записку — «если со мной что-то случится». Сел в последний автобус — может, надеялся оторваться от преследователей, затеряться. Но тот, кто его искал, всё-таки настиг. Подсел сзади и сделал укол. А потом спокойно вышел на какой-то остановке, прихватив документы и вещи, чтобы затруднить опознание.

— Хладнокровно, — кивнула Вероника. — И продуманно. Это не случайный гоп-стоп. Это исполнитель, который знал, что делает. Укол, скорее всего, какого-то быстродействующего препарата. Токсикология покажет. Кто-то очень не хотел, чтобы Андрей Савельев дожил до утра.

Геннадий Петрович, всё это время переминавшийся у дверей, не выдержал:

— Слушайте, а как же я? Меня-то отпустите? Я ж ничего, я только нашёл его...

— Отпустим, Геннадий Петрович, — успокоил его Соловьёв. — Но завтра подъедете, дадите показания. И номер кондуктора оставьте. Она нам очень нужна.

Водитель закивал и поспешно продиктовал телефон Зинаиды Прохоровой.

Тело Савельева аккуратно упаковали и повезли в морг ЦКР. Вероника в последний раз обвела взглядом пустой ночной автобус — освещённый изнутри, он стоял посреди тёмной площадки, словно стеклянный гроб на колёсах.

— Знаешь, что меня цепляет? — сказала она Соловьёву, спускаясь по ступенькам. — Эта записка. «Это они. Из-за денег». Не «он», а «они». Множественное число. Значит, Савельев боялся не одного человека. За ним стояла какая-то история. И "Финанс-Гарант" — бухгалтерская фирма. Деньги, бухгалтерия... Похоже, наш погибший когда-то был замешан в чём-то, связанном с большими суммами. И прошлое его догнало.

— Завтра проверим эту фирму, — сказал Соловьёв. — И поговорим с кондуктором. Она наверняка вспомнит, где Савельев сел, и кто рядом с ним был.

Вероника посмотрела на тёмные окна спящего города. Где-то там, в этом городе, ходил человек, который сегодня вечером хладнокровно оборвал чужую жизнь — тихо, незаметно, в последнем ночном автобусе. И теперь спокойно спал, уверенный, что замёл все следы.

— Он ошибается, — тихо сказала Вероника, словно прочитав мысли Соловьёва. — Записка осталась. Карта осталась. И этот укол — его почерк. Мы найдём того, кто ехал в этом автобусе рядом с Андреем Савельевым. Последний автобус для кого-то ещё не пришёл.

Она села в машину, и колонна ЦКР тронулась прочь от тёмной разворотной площадки, увозя с собой первые нити запутанного дела, которому предстояло вернуть имя безымянному пассажиру без билета — и найти того, кто отправил его в последний путь.

Глава 2. Маршрут по минутам

Утро в Центре криминалистики и расследований началось с заключения токсиколога. Вероника Дробышева вошла в кабинет Соловьёва, держа в руках распечатку, и положила её на стол.

— Я была права насчёт укола, — сказала она. — В крови Андрея Савельева обнаружен препарат на основе сильнодействующего сердечного средства. В большой дозе он вызывает остановку сердца за считанные минуты. При обычном осмотре всё выглядит как естественная смерть — инфаркт, остановка сердца у немолодого мужчины. Если бы не точечная ранка на шее, которую я заметила, дело вполне могло уйти как «скоропостижная смерть в общественном транспорте».

— То есть убийца рассчитывал именно на это, — нахмурился Соловьёв. — Человеку стало плохо в автобусе, сердце прихватило, умер. Никто и копать бы не стал.

— Именно. Препарат подобран со знанием дела, — кивнула Вероника. — Это не дилетант, который схватил, что под руку попало. Тот, кто это сделал, разбирается либо в медицине, либо в фармакологии. Или хорошо подготовился. Доза рассчитана точно. Введена внутримышечно, в шею, тонкой иглой — возможно, инсулиновым шприцем, его легко спрятать в ладони.

— Личность подтвердили? — спросил следователь.

— Да. По транспортной карте и отпечаткам пробили по базе. Савельев Андрей Николаевич, пятьдесят два года. Проживал один, в съёмной однокомнатной квартире на улице Заречной. По месту жительства уже выехала группа. И вот что любопытно: прописан он в другом городе, а здесь снимал жильё всего полгода. Соседи говорят, человек был тихий, замкнутый, ни с кем не общался. Будто прятался.

— Прятался, — повторил Соловьёв. — Записка, страх, чужой город, съёмная квартира под чужим, считай, носом. Картинка складывается. Человек от кого-то скрывался, и его всё-таки нашли. Что по фирме «Финанс-Гарант»?

— Запрос отправили, — отозвалась Вероника. — Но это, судя по всему, дело прошлое. Визитка старая, потрёпанная, ей не один год. Думаю, Савельев там когда-то работал. Будем раскручивать. А пока, — она положила на стол флешку, — у нас есть кое-что поинтереснее. Записи с видеорегистратора автобуса.

Соловьёв оживился.

— На остановках камер нет, в салоне камер не было, но регистратор на лобовом стекле работал, — пояснила Вероника, вставляя флешку в компьютер. — Он, конечно, смотрит вперёд, на дорогу, а не в салон. Но по нему мы можем восстановить весь маршрут автобуса по минутам — где и во сколько он останавливался, кто заходил в переднюю дверь. Денис уже свёл это с расписанием и данными GPS-трекера автобуса. Смотри.

На экране пошла запись. Ночной город, мокрый асфальт, свет фар, проплывающие мимо остановки. Внизу — бегущие цифры времени.

— Последний рейс семнадцатого маршрута, — комментировала Вероника. — Отправление от начальной в двадцать два пятнадцать. Дальше по остановкам. Вот, смотри сюда. — Она остановила запись. — Двадцать два сорок семь. Остановка «Центральный рынок».

На экране автобус притормозил у тёмной остановки рядом с длинными рядами закрытых на ночь рыночных павильонов. Дверь открылась. И в кадре, в свете фар и фонаря, мелькнула фигура мужчины, торопливо вскочившего в автобус.

— Вот он, — тихо сказала Вероника, увеличивая изображение. — Андрей Савельев.

На кадре было хорошо видно лицо погибшего — то самое, что они видели вчера в автобусе, только живое, искажённое страхом. Мужчина буквально запрыгнул в салон, на ходу оглядываясь через плечо назад, в темноту за остановкой.

— Смотри, как он озирается, — заметил Соловьёв. — Он точно от кого-то убежал.

— И не просто убежал, — Вероника прокрутила запись на пару секунд назад. — Видишь? Он не подошёл к остановке заранее, как обычно делают пассажиры. Он выбежал к ней в последний момент, когда автобус уже подъезжал. Как будто прятался где-то в темноте, в рыночных рядах, и ждал именно этот автобус. Боялся выйти на свет раньше времени.

— Последний автобус, — задумчиво проговорил следователь. — Он специально дождался последнего рейса. Поздно, темно, народу мало. Хотел незаметно уехать, оторваться.

— А вот теперь самое интересное, — Вероника снова запустила воспроизведение, очень медленно, по кадрам. — Смотри, что происходит сразу после того, как Савельев заскочил в салон.

На экране, через несколько секунд после Савельева, к закрывающимся дверям подбежала ещё одна фигура. Камера на лобовом стекле захватила её лишь краем, у самого края передней двери — но было видно, что это человек в верхней одежде, который тоже торопился сесть в этот же автобус.

— Второй пассажир, — сказал Соловьёв. — Тоже бежал.

— Бежал следом за Савельевым, — уточнила Вероника. — Видишь? Савельев заскочил и сразу прошёл вглубь салона, в хвост. А этот второй вскочил буквально за ним. Регистратор смотрит вперёд, поэтому в салон мы их обоих больше не видим. Но факт: на остановке «Центральный рынок» в автобус сели как минимум двое — напуганный Савельев и кто-то ещё, кто за ним торопился.

— Лицо второго видно?

— В том-то и беда, что нет, — Вероника поморщилась. — Камера ловит только узкую полосу у двери, человек в кадре доли секунды, и то боком, в темноте. Я отдала запись на улучшение, но не уверена, что много вытянем. Видно только, что это, скорее всего, женщина или некрупный мужчина. И верхняя одежда — что-то длинное. Пальто или плащ.

Соловьёв откинулся на спинку кресла.

— Давай восстановим всю цепочку. Во сколько автобус прибыл на конечную?

— Конечная — в двадцать три пятьдесят две, — ответила Вероника, сверяясь с данными трекера. — То есть Савельев сел в двадцать два сорок семь, а тело обнаружили на конечной около полуночи. Получается, он провёл в автобусе чуть больше часа. Токсиколог говорит, что смерть наступила за два-три часа до осмотра, который я начала примерно в час ночи. То есть смерть наступила где-то между двадцатью двумя и двадцатью тремя часами. Это идеально совпадает с поездкой.

— Значит, убийца сделал укол где-то в дороге, — подытожил Соловьёв. — Подсел сзади, в хвосте, рядом с Савельевым. Сделал инъекцию. Препарат подействовал за несколько минут. Савельев обмяк в кресле, и для всех вокруг это выглядело, будто человек просто задремал.

— А убийца спокойно вышел на одной из следующих остановок, — продолжила Вероника. — Прихватив документы, телефон и кошелек жертвы. По регистратору я сейчас проверю все остановки после рынка — где открывались двери, кто выходил. Но боюсь, тут нам поможет только живой свидетель. Тот, кто видел салон изнутри.

— Кондуктор, — кивнул Соловьёв. — Зинаида Прохорова. Геннадий Петрович дал телефон. Она ехала в этом автобусе, продавала билеты, ходила по салону. Она должна была видеть и Савельева, и того, кто к нему подсел.

— И, возможно, видела, как этот второй пассажир выходил, — добавила Вероника. — Звони ей. Она — наш главный свидетель.

Пока Соловьёв созванивался с кондуктором, договариваясь о встрече, в кабинет заглянул оперативник Денис Платов, вернувшийся с обыска квартиры погибшего.

— Андрей Викторович, есть кое-что, — сказал он, выкладывая на стол прозрачные пакеты с уликами. — Квартира Савельева. Жил аскетично, мебели минимум, но вот это нашли в тайнике, под половицей в кладовке.

В пакете лежала старая канцелярская папка с пожелтевшими бумагами. Вероника натянула перчатки и осторожно открыла её. Внутри были распечатки таблиц, какие-то финансовые отчёты, копии платёжных документов, испещрённые пометками от руки.

— Бухгалтерские документы, — сказала она, перелистывая. — Старые. И смотри, Андрей, — некоторые суммы обведены, рядом восклицательные знаки, вопросы. «Куда?», «Не сходится», «Фиктивный договор?». Кто-то проводил собственное расследование. Анализировал движение денег.

— Финанс-Гарант, — Соловьёв указал на шапку одного из документов. — Та самая фирма с визитки. Денис, тут есть фамилии?

Платов кивнул и достал отдельный лист.

— Вот этот листок лежал сверху, отдельно. Список фамилий. Часть зачёркнута. А две подчёркнуты красным.

Вероника взяла листок. Среди десятка фамилий две были жирно подчёркнуты красной ручкой. Она прочитала их вслух:

— Кудрявцева Марина. И... Кудрявцев Игорь.

Соловьёв записал обе фамилии.

— Однофамильцы? Или родственники?

— Проверим, — Вероника задумчиво смотрела на красные линии. — Но Савельев не просто так подчеркнул именно их. Эти двое для него что-то значили. Помнишь записку? «Это они. Из-за денег». «Они» — множественное число. Может быть, как раз эти двое.

Она аккуратно сложила документы обратно в папку.

— Картина проясняется, Андрей. Бывший бухгалтер. Старая история с деньгами в фирме «Финанс-Гарант». Он хранил доказательства, вёл своё расследование, кого-то боялся. Прятался в чужом городе. А вчера вечером кто-то выследил его у рынка, гнался за ним, сел вместе с ним в последний автобус — и убил, хладнокровно, уколом в шею.

Соловьёв поднялся.

— Тогда у нас два направления. Первое — фирма «Финанс-Гарант» и то, что там случилось с деньгами. Второе — эти Кудрявцевы. А прямо сейчас едем к кондуктору. Зинаида Прохорова видела салон того автобуса своими глазами. И, если повезёт, видела убийцу в лицо.

— Маршрут мы восстановили по минутам, — сказала Вероника, забирая папку с собой. — Теперь нужно понять, кто проехал этим маршрутом рядом со смертью. И вышел на нужной остановке, оставив за спиной мёртвого пассажира без билета.

Они вышли из кабинета. Впереди их ждал главный свидетель последнего рейса семнадцатого маршрута — женщина, которая, сама того не зная, провела целый час в одном салоне с убийцей.

Глава 3. Женщина в красном пальто

Зинаида Тимофеевна Прохорова жила в стареньком доме недалеко от автобусного парка. Это была невысокая полная женщина лет шестидесяти, с добрым округлым лицом и зоркими, цепкими глазами, привыкшими за тридцать лет работы кондуктором подмечать в салоне каждого пассажира. Она встретила Соловьёва и Веронику настороженно, но, узнав, что речь о вчерашнем покойнике, тяжело вздохнула и пригласила в дом.

— Ой, я как узнала с утра, что мужчину-то в моём автобусе нашли мёртвым, у меня прям руки опустились, — запричитала она, разливая чай. — Я ж его и не заметила толком, что ему плохо. Думала, спит. Грешным делом думала — выпил человек, задремал. А он, выходит, помирал у меня там, на заднем сиденье...

— Зинаида Тимофеевна, — мягко сказал Соловьёв, — нам очень важна ваша память. Вы ведь ходили по салону, продавали билеты. Вы наверняка многое видели. Давайте по порядку. Вспомните остановку у Центрального рынка. Около без четверти одиннадцать. Туда зашёл мужчина — вот этот.

Он показал ей фотографию Савельева — прижизненную, восстановленную по кадру с регистратора.

— Он, он, — закивала Зинаида Тимофеевна, всплеснув руками. — Этот самый. Запомнила я его, как же. Влетел он в автобус, как ошпаренный. Я ещё подумала — чего человек так несётся. Лицо белое, глаза бегают. Сел сзади, забился в угол, к окошку. Я к нему за билетом подошла, а он на меня и не глядит, всё в окно смотрит, на улицу, будто высматривает кого. Дрожащими руками мелочь отсчитывал. Я ему говорю: «Мужчина, вам нехорошо?», а он только головой мотнул и отвернулся.

— А он был один? — спросила Вероника, наклонившись ближе. — Кто ещё сел на той остановке вместе с ним?

Зинаида Тимофеевна задумалась, помешивая ложечкой чай.

— Так... на рынке-то... Давайте вспомню. Народу к концу рейса мало уже было, человек пять-шесть всего во всём автобусе. На рынке этот вот сел, напуганный. И... да, точно! За ним следом женщина зашла. Я ещё удивилась — он бежал, и она будто торопилась.

Вероника и Соловьёв переглянулись.

— Женщина, — повторила Вероника. — Опишите её, пожалуйста. Как можно подробнее.

— Ой, женщину эту я хорошо запомнила, — оживилась кондуктор. — Потому что пальто на ней приметное было. Красное. Яркое такое, длинное, до колен. В такой темени, в автобусе тусклом — а оно прям горит. Я ещё подумала: красивое пальто, дорогое, видать. Сама женщина — лет сорока, может, чуть больше. Стройная, волосы тёмные, до плеч. Лицо... ну, обычное, симпатичное даже. Но злое какое-то было лицо, напряжённое.

— Злое? Почему вы так решили? — быстро спросил Соловьёв.

Зинаида Тимофеевна понизила голос, словно делилась тайной.

— А потому что они поругались. Этот мужчина и эта женщина в красном. Я как раз билет ей пробивала, рядом стояла, всё и слышала.

Вероника достала блокнот.

— Расскажите подробно. Что именно вы слышали?

— Ну, значит, села эта дама в красном, прошла к нему, к мужчине-то напуганному. И не рядом села, а напротив, через проход. И давай ему что-то говорить, тихо, но зло так, сквозь зубы. Я слов-то всех не разобрала, шум в автобусе, мотор гудит. Но кое-что слышала. Она ему: «Ты от меня не спрячешься. Я тебя, где угодно найду». А он ей: «Оставь меня в покое, я ничего тебе не должен!» Вот прям так и сказал — «не должен». А она ему: «Должен. Ещё как должен.

И ты заплатишь». — Кондуктор поёжилась. — Я аж мурашками покрылась, честно. Думала — что за разборки, может, долги какие, может, бывшие супруги делят чего. Билет ей продала и отошла поскорее, чтоб не лезть в чужое.

Соловьёв напряжённо слушал.

— «Ты заплатишь», — повторил он. — А дальше? Что было дальше с этой женщиной в красном?

— А вот дальше я уже к водителю прошла, в начало салона, мне там посидеть надо было, ноги-то гудят, — вздохнула Зинаида Тимофеевна. — Спиной к ним сидела. Что они там дальше — не видала. Знаю только, что на остановке... дай бог памяти... на «Швейной фабрике», кажется, женщина эта в красном вышла. Я обернулась, когда двери открылись, гляжу — мелькнуло красное пальто, и нету её. Вышла. А мужчина остался сидеть, сзади. Тихо так сидел. Я думала — едет себе дальше. А он, выходит... — она махнула рукой и отвернулась, утирая глаза уголком платка.

— «Швейная фабрика», — Соловьёв записал. — Вы уверены, что именно там она вышла?

— Да почти уверена. Там у нас только три человека и выходило за весь конец маршрута. Мужичок один на «Парковой», бабулька на «Садовой», и вот эта, в красном, на «Швейной фабрике». А остальные до конечной должны были ехать, я ж билеты помню, кто куда брал.

Вероника подалась вперёд.

— Зинаида Тимофеевна, а когда женщина в красном выходила — вы не заметили, она к мужчине подходила перед этим? Может, наклонялась к нему, прикасалась?

Кондуктор задумалась, наморщив лоб.

— Ох, милая, не скажу точно. Я ж спиной сидела. Когда обернулась — она уже к дверям шла, к выходу. А подходила ли она к нему перед тем, наклонялась ли — не видала. Может, и подходила. Дорога-то от их разговора до «Швейной фабрики» минут пятнадцать ещё была, мало ли что там за это время.

— Пятнадцать минут, — тихо сказала Вероника Соловьёву. — Более чем достаточно. Препарат действует за несколько минут. Она могла подсесть к нему, сделать укол, забрать вещи и спокойно выйти на «Швейной фабрике». А он остался умирать в кресле, и до самой конечной никто ничего не заподозрил.

Соловьёв кивнул и снова повернулся к кондуктору.

— Зинаида Тимофеевна, это очень важно. Если мы покажем вам фотографии нескольких женщин, вы сможете узнать ту, в красном пальто?

— Лицо-то? Постараюсь, конечно, — неуверенно ответила она. — Но темно было, я недолго её видала. Пальто красное — это да, это запомнила накрепко. А лицо... ну, попробую. Симпатичная, тёмненькая, лет сорока с небольшим. Это я точно скажу.

— А руки? — вдруг спросила Вероника. — Не обратили внимание на руки женщины? Может, перчатки были?

Зинаида Тимофеевна оживилась.

— А вот это вы хорошо спросили! Были перчатки! Точно были. Чёрные, кожаные. Я ещё когда ей сдачу давала, обратила внимание — в перчатках берёт. На улице-то не холодно особо, осень тёплая, а она в перчатках. Подумала — модница, под пальто красное подобрала.

— Или не хотела оставлять отпечатков, — еле слышно сказала Вероника Соловьёву. — Перчатки. Аккуратно. Продуманно.

Они поблагодарили кондуктора, попросив её при необходимости подъехать в ЦКР для официальных показаний и опознания, и вышли на улицу.

— Ну что, картина почти ясная, — сказал Соловьёв, садясь в машину. — Женщина в красном пальто. Преследовала Савельева до рынка, села за ним в последний автобус. Ругалась

с ним, угрожала: «Ты заплатишь». Была в перчатках. Имела минут пятнадцать, чтобы сделать укол. Вышла на «Швейной фабрике». А Савельев умер.

— И записка, — добавила Вероника. — «Это они. Из-за денег». И список из квартиры. Две подчёркнутые красным фамилии — Кудрявцева Марина и Кудрявцев Игорь. Кудрявцева Марина. Женщина. Возраст подходит.

— Думаешь, женщина в красном — это Марина Кудрявцева?

— Очень похоже на то, — Вероника пристегнулась. — Савельев боялся «их». Подчеркнул две фамилии. Кондуктор видела женщину, которая преследовала его и угрожала. Логично предположить, что это и есть Марина Кудрявцева, одна из тех, кого он опасался. Пока всё указывает на неё.

Соловьёв завёл машину.

— Тогда едем в ЦКР. Денис должен был уже пробить и фирму «Финанс-Гарант», и этих Кудрявцевых. Пора узнать, что за история с деньгами связывала их с погибшим бухгалтером. И кто такая на самом деле эта женщина в красном пальто.

— Только знаешь, Андрей, — задумчиво проговорила Вероника, глядя в окно на проплывающие мимо дома, — меня кое-что смущает. Красное пальто. Слишком яркое. Слишком заметное. Человек, который так тщательно всё спланировал — нужный препарат, точная доза, перчатки, чтобы не оставить следов, последний рейс с минимумом свидетелей, — стал бы он надевать кричаще-красное пальто, в котором его запомнит любой кондуктор и любой пассажир?

Соловьёв пожал плечами.

— Может, не подумала. Или специально — чтоб запомнили именно пальто, а не лицо. Сбросила потом тряпку — и нет приметы.

— Может быть, — согласилась Вероника, но в голосе её осталось сомнение. — А может быть, всё не так просто, как кажется. Свидетели — штука ненадёжная, Андрей. Запоминают яркое пятно, а упускают главное. Будем искать женщину в красном. Но я бы пока не торопилась вешать на неё убийство. Угрожать «ты заплатишь» — это одно. А вколоть человеку смертельную дозу в шею — совсем другое.

Машина свернула к зданию ЦКР. Впереди их ждали ответы на главные вопросы: что за деньги пропали в фирме «Финанс-Гарант», какую роль во всём этом играли Марина и Игорь Кудрявцевы — и действительно ли женщина в красном пальто была той, кто оборвал жизнь Андрея Савельева в последнем ночном автобусе.

Глава 4. Долг из прошлого

В аналитическом отделе ЦКР Денис Платов разложил на столе результаты своих запросов. Когда Соловьёв и Вероника вошли, он уже вывел на большой экран схему с фотографиями и связями.

— Так, докладываю, — начал он. — Фирма «Финанс-Гарант». Бухгалтерско-консалтинговая контора. Существовала восемь лет, ликвидирована три года назад. И ликвидирована не просто так. Три года назад там разразился громкий скандал. Из фирмы и со счетов клиентов через подставные договоры было выведено около восемнадцати миллионов рублей.

— Восемнадцать миллионов, — присвистнул Соловьёв. — Серьёзная сумма. Из-за таких денег и убить могут.

— Именно, — кивнул Денис. — Деньги выводили через фиктивные фирмы-однодневки, поддельные договоры на консалтинговые услуги, которые никто не оказывал. Классическая схема. Возбудили уголовное дело. И главным фигурантом, на которого всё повесили, стал... — он указал на фотографию пожилого мужчины на экране, — главный бухгалтер фирмы. Андрей Николаевич Савельев.

— Наш покойник, — медленно проговорила Вероника.

— Он самый. Через его руки, как через главбуха, проходили все проводки. Все подписи, все документы — формально его. Следствие сочло, что схему организовал именно он. Дело дошло до суда. Савельеву грозил серьёзный срок. Но...

— Но? — переспросил Соловьёв.

— Но реального срока он не получил, — продолжил Денис. — Часть эпизодов не доказали, что-то развалилось в суде, адвокат хороший попался. В итоге Савельев получил условный срок и обязательство возместить ущерб. А большая часть выведенных денег так и не нашлась. Восемнадцать миллионов растворились. Официально — на счетах однодневок, которые давно закрыты. По факту — осели у кого-то в кармане.

Вероника подошла ближе к экрану.

— То есть Савельев формально оказался крайним, козлом отпущения. Но деньги забрал не он один. Или вообще не он. А настоящие организаторы остались в стороне.

— Похоже на то, — согласился Денис. — И вот тут появляются наши Кудрявцевы. — Он вывел на экран ещё две фотографии. — Кудрявцева Марина Сергеевна, сорок три года. В фирме «Финанс-Гарант» работала финансовым менеджером, заместителем Савельева. Они были коллегами, работали бок о бок несколько лет. По делу о хищении проходила свидетелем, но к ответственности её не привлекли.

— А второй? — спросила Вероника, глядя на фото мужчины лет сорока пяти, с жёстким, неприятным лицом.

— Кудрявцев Игорь Сергеевич, сорок шесть лет. Родной брат Марины. И вот это интересно: в самой фирме он не работал. Но! — Денис поднял палец. — Я копнул по тем самым фирмам-однодневкам, через которые выводили деньги. И одна из них, «СтройКонсалт-Плюс», была зарегистрирована на подставное лицо, но фактически связана с Игорем Кудрявцевым. Он был там, что называется, бенефициаром в тени. Через эту контору прошла солидная часть выведенных средств — около шести миллионов.

Соловьёв напрягся.

— То есть Игорь Кудрявцев был одним из тех, кто реально получил украденные деньги? А Савельев сел на скамью подсудимых вместо него?

— Очень похоже, — сказал Денис. — Но доказать связь Игоря с однодневкой тогда не смогли. Всё было оформлено хитро, через цепочку подставных. Игорь Кудрявцев вышел сухим из воды. А Савельев получил судимость, потерял работу, репутацию, всё. После приговора он

уехал из родного города, мотался по разным местам, нигде надолго не задерживался. Последние полгода снимал квартиру здесь, у нас.

Вероника медленно прошла по кабинету, складывая в голове картину.

— Теперь всё начинает складываться, — сказала она. — Смотрите. Три года назад Савельев стал крайним. Но он, как опытный бухгалтер, наверняка понимал, кто на самом деле увёл деньги. И, судя по папке из его квартиры, он эти годы не сидел сложа руки. Он собирал доказательства. Помните? Распечатки, обведённые суммы, пометки «фиктивный договор?», «куда?». Он восстанавливал схему. Доказывал, что организаторы — другие. И, видимо, вышел на след тех самых шести миллионов и на Игоря Кудрявцева.

— А зачем ему это? — спросил Денис. — Срок-то условный, он отбыл.

— А затем, — ответила Вероника, — что-либо он хотел восстановить справедливость, снять с себя клеймо. Либо — что вероятнее, учитывая, что человек прятался, — он хотел свою долю. Или собирался шантажировать настоящих организаторов: либо вы делитесь, либо я несую доказательства в полицию и тяну вас за собой. «Ты мне должен. Ты заплатишь» — помните слова из автобуса? Это похоже не на угрозу убийцы, а наоборот — на разговор о деньгах, о старом долге.

Соловьёв потёр подбородок.

— Подожди. В автобусе эти слова говорила женщина в красном — предположительно Марина Кудрявцева. «Ты мне должен, ты заплатишь». Это она угрожала Савельеву. Получается, наоборот — это она с него что-то требовала?

— Вот это и нужно выяснить, — сказала Вероника. — Кто кому угрожал, и кто кому был должен. Кондуктор слышала обрывки. Она могла перепутать, кто что говорил. Но факт остаётся фактом: Марина Кудрявцева искала Савельева, нашла его, преследовала до рынка и села с ним в один автобус.

В этот момент зазвонил телефон Соловьёва. Он коротко переговорил и положил трубку.

— Ну вот, удача, — сказал он. — Опера отработала по «Швейной фабрике» и окрестностям. Марина Кудрявцева установлена и доставлена. Она в городе, снимает квартиру в двух остановках от той самой «Швейной фабрики». И — внимание — при ней изъято красное пальто.

— Красное пальто, — выдохнул Денис.

— Едем, — коротко бросил Соловьёв.

Марина Кудрявцева ждала в комнате для допросов. Это была привлекательная женщина с тёмными волосами до плеч, лет сорока трёх, как и значилось в данных. Лицо у неё было усталое, под глазами тёмные круги, но держалась она собранно, даже жёстко. Перед ней на столе лежал пакет с уликой — аккуратно сложенное красное пальто.

Соловьёв и Вероника сели напротив.

— Марина Сергеевна, — начал следователь, — вы знали Андрея Николаевича Савельева?

— Знала, — сухо ответила она. — Работали вместе в «Финанс-Гаранте». А что случилось? Почему меня сюда привезли, как преступницу?

— Андрей Савельев убит, — сказал Соловьёв, внимательно следя за её реакцией. — Вчера ночью. В последнем автобусе семнадцатого маршрута.

Марина побледнела. На мгновение в её глазах мелькнул неподдельный шок, а затем — что-то похожее на страх.

— Убит? — переспросила она. — Андрей? Нет... Не может быть...

— Вы вчера ехали с ним в одном автобусе, — продолжил Соловьёв. — Сели на остановке у рынка, следом за ним. Были в этом самом красном пальто. Свидетель видел и слышал, как вы спорили с Савельевым. Как говорили ему: «Ты мне должен. Ты заплатишь». А потом вы вышли на «Швейной фабрике». А Савельев остался в автобусе мёртвым. Что вы на это скажете?

Марина закрыла лицо руками. Несколько секунд она молчала, а потом подняла голову.

— Да, я была в том автобусе, — сказала она тихо. — Да, я искала Андрея. Я его выследила, села за ним. Да, мы ругались. Но я его не убивала! Клянусь, он был живой, когда я вышла!

— Зачем вы его искали? — спросила Вероника.

Марина горько усмехнулась.

— Из-за денег. Из-за тех самых проклятых денег из «Финанс-Гаранта». Только вы всё неправильно понимаете. Это не я ему была должна. Это он мне испортил всю жизнь. — Она глубоко вздохнула. — Три года назад, когда вскрылось хищение, виноватым сделали Савельева. Но в тени остались настоящие организаторы. А когда искали козлов отпущения, чуть не повесили всё и на меня — я же была его замом. Я еле отбилась, потеряла работу, на мне до сих пор клеймо. А недавно я узнала, что Андрей снова здесь, в городе. И что он опять что-то затевает со старыми документами. Я испугалась, что он снова попытается выгородить себя за мой счёт, свалить на меня. Я нашла его и потребовала: оставь меня в покое, не смей опять меня впутывать. «Ты мне должен нормальную жизнь, которую сломал. Ты за это ответишь, если снова сунешься». Вот что я ему говорила.

— А он? — спросила Вероника.

— А он был сам не свой от страха, — ответила Марина. — Он мне сказал странную вещь. Сказал: «Марина, ты не понимаешь. Я не тебя боюсь. За мной охотятся. И если со мной что-то случится — ищи того, кто реально забрал шесть миллионов». Я не поняла, о чём он. Думала, заговаривается, выкручивается. Вышла на своей остановке и ушла. А он остался... живой. Клянусь вам, живой!

Вероника и Соловьёв переглянулись.

— «Кто реально забрал шесть миллионов», — медленно повторила Вероника. — Денис говорил про шесть миллионов, которые прошли через однодневку, связанную с вашим братом. С Игорем Кудрявцевым.

При упоминании брата Марина вздрогнула и сжала губы.

— Марина Сергеевна, — наклонился к ней Соловьёв, — где вчера вечером был ваш брат, Игорь?

Женщина побледнела ещё сильнее.

— Я... я не знаю, — пробормотала она. — Игорь... он не мог...

— Вы вышли на «Швейной фабрике», — продолжала Вероника, и голос её звенел от напряжения. — А скажите, Марина, вы были в автобусе с Савельевым одна? Или ваш брат знал, что вы поехали искать Андрея? Может быть, он тоже был там?

Марина смотрела на них расширившимися глазами, и было видно, как страшная догадка медленно проступает на её лице.

— Я... я рассказала Игорю, что нашла Савельева, — прошептала она. — Сказала, что Андрей опять копает старое дело. Игорь так разнервничался, расспрашивал, где он, на каком маршруте ездит... Я думала, он просто переживает за меня. Господи... Неужели...

— Перчатки, — вдруг сказала Вероника, глядя на руки Марины. — Свидетель сказал, что женщина в красном была в чёрных кожаных перчатках. Они у вас есть?

— Перчатки? — Марина растерялась. — Нет... У меня нет чёрных кожаных перчаток. Я вчера была без перчаток, на улице тепло...

Вероника медленно выпрямилась и посмотрела на Соловьёва.

— Андрей, — сказала она тихо. — Кондуктор видела красное пальто и решила, что укол сделала женщина в красном. Но она ведь сидела спиной. Она не видела, кто и когда подходил к Савельеву после ссоры. Она запомнила яркое пятно — красное пальто Марины. А перчатки... Может, перчатки были вовсе не на женщине. Я с самого начала говорила: слишком

яркое пальто для убийцы. Свидетель ошибся. Он принял за убийцу самого заметного человека в салоне.

Соловьёв всё понял.

— Денис говорил, что Игорь и Марина — брат и сестра. Похожи. А в темноте, мельком... Нужно срочно поднять, кто ещё выходил после Марины. И где сейчас Игорь Кудрявцев.

Вероника кивнула, чувствуя, как дело поворачивается совсем другой стороной.

— Долг из прошлого, — проговорила она. — Только платить за него Савельева заставил не тот, на кого мы думали. Настоящий должник — тот, кто забрал шесть миллионов и боялся, что бухгалтер это докажет. Игорь Кудрявцев.

Глава 5. Ошибка свидетеля

В аналитическом отделе Денис Платов уже снова сидел за монитором, перематывая запись с видеорегистратора последнего рейса. Вероника и Соловьёв встали у него за спиной.

— Денис, нам нужны все, кто выходил после Марины Кудрявцевой, — сказал Соловьёв. — Кондуктор говорила про «Швейную фабрику». Смотри, кто открывал двери и выходил после этой остановки.

— Уже смотрю, — отозвался Денис. — Так. Вот «Швейная фабрика». Двадцать три двадцать одна. Двери открываются. Выходит... да, вот она — красное пальто, Марина. — На экране мелькнула знакомая фигура. — Дальше едем. Следующая остановка — «Парковая», двадцать три двадцать девять. Двери открываются. Выходит мужчина.

Он остановил кадр. Регистратор смотрел вперёд, но в момент открытия передней двери в кадр на долю секунды попал силуэт выходящего человека — мужчина средних лет, в тёмной куртке, надвинутой кепке. Он спускался по ступенькам спиной к камере, потом на мгновение обернулся — и Денис тут же поймал стоп-кадр.

— Вот, — сказал он. — Лица почти не видно, кепка. Но фигура, осанка...

Вероника прищурилась.

— Прогони через сравнение с фотографией Игоря Кудрявцева.

Денис застучал по клавишам. Через минуту система выдала результат: высокая степень совпадения по антропометрическим параметрам — рост, телосложение, посадка головы.

— Это он, — сказал Денис. — С большой вероятностью — Игорь Кудрявцев. Вышел на «Парковой», через восемь минут после сестры.

— Восемь минут, — повторила Вероника. — Достаточно. Смотрите, как всё было. Игорь знал от Марины, что Савельев в городе и на каком маршруте он ездит. Он понял: бухгалтер собрал доказательства и рано или поздно вытащит на свет те самые шесть миллионов. А это — его, Игоря, свобода. Реальный срок за организацию хищения. И он решил убрать Савельева. Выследил. Возможно, видел, как сестра садится в тот же автобус, и это сыграло ему на руку — появился человек, на кого можно отвести подозрения.

— А кондуктор, — подхватил Соловьёв, — запомнила яркое красное пальто. Запомнила ссору. И в её памяти убийцей стала женщина в красном. Хотя укол сделал Игорь — уже после того, как Марина вышла.

— Ошибка свидетеля, — кивнула Вероника. — Самая частая ошибка. Память цепляется за яркое, за эмоциональное. Ссора, красное пятно — вот что отпечаталось. А неприметный мужчина в кепке, который тихо подсел сзади на пару минут, прошёл мимо внимания. Кондуктор сидела спиной. Она не видела, как после ухода сестры к Савельеву подсел брат.

— Нужны доказательства, — сказал Соловьёв. — Совпадение силуэта — это хорошо, но в суд с этим не пойдёшь. Игорь скажет, что просто ехал в автобусе, мало ли. Нам нужно его взять и нужны улики.

— Берём его дома, — решил Соловьёв и поднял трубку, отдавая команду оперативной группе.

Игоря Кудрявцева задержали в его квартире через час. Он не сопротивлялся — наоборот, держался уверенно, даже нагло. Это был крепкий мужчина с холодным, цепким взглядом, и Вероника сразу поняла: расколоть такого будет непросто.

В комнате для допросов Игорь развалился на стуле, скрестив руки.

— Я не понимаю, в чём меня обвиняют, — заявил он. — Да, я ехал в том автобусе. И что? Город маленький, езжу, как все. Савельева я и не видел толком. А что он там помер — так ему уже за пятьдесят, сердце, всякое бывает.

— А откуда вы знаете, что у него остановилось сердце? — мягко спросила Вероника. — Мы вам этого не говорили.

Игорь на мгновение замешкался, но тут же нашёлся:

— Так об этом весь район говорит. Мужик в автобусе помер, ясно же — сердце.

— Не сердце, — сказала Вероника. — Андрею Савельеву ввели смертельную дозу препарата. Уколом в шею. Тонкой иглой. Кто-то, кто разбирается в дозировках. Кто-то, кто пришёл с готовым шприцем.

— Я тут при чём? — пожал плечами Игорь. — Я в медицине ноль.

Соловьёв положил на стол фотографию из квартиры Савельева — листок со списком фамилий, где красным были подчёркнуты Марина и Игорь Кудрявцевы.

— Савельев знал, что вы забрали шесть миллионов через «СтройКонсалт-Плюс», — сказал он. — Он собрал доказательства. Он вас не боялся бы просто так. Он подчеркнул вашу фамилию красным. А ещё он оставил записку: «Если со мной что-то случится — это они. Из-за денег».

Лицо Игоря дрогнуло, но он быстро овладел собой.

— Бред больного человека. Никаких миллионов я не брал. Это всё его, Савельева, делишки. Его и осудили.

Вероника спокойно открыла папку.

— Вы хорошо подготовились, Игорь Сергеевич. Перчатки не надели в автобусе, чтобы не привлекать внимание, как женщина в красном. Шприц, скорее всего, выбросили. Документы и телефон жертвы забрали, чтобы затруднить опознание. Вы продумали всё. Но вы допустили несколько ошибок.

Она выложила на стол первую распечатку.

— Ошибка первая. Видеорегистратор автобуса. Вы вышли на «Парковой», через восемь минут после сестры. Камера зафиксировала ваш силуэт. Совпадение по росту, телосложению и осанке с вами — очень высокое.

Игорь усмехнулся.

— Силуэт. Это не доказательство. Мало ли похожих.

— Ошибка вторая, — невозмутимо продолжила Вероника, выкладывая второй лист. — Вы забрали вещи Савельева, чтобы их не нашли при нём. Но куда вы их дели? Опера осмотрели мусорные контейнеры по маршруту от остановки «Парковая» до вашего дома. И в одном из них, — она положила фотографию, — нашли телефон Андрея Савельева и его кошелёк. С вашими отпечатками, Игорь. Вы были без перчаток, помните? Вы держали эти вещи голыми руками, когда вытаскивали из карманов умирающего.

Игорь побледнел. Усмешка сползла с его лица.

— Это... это подбросить могли...

— Ошибка третья, — Вероника достала третий документ, и голос её стал жёстким. — Самая главная. Препарат. Мы установили, что именно ввели Савельеву. Сильнодействующее сердечное средство, рецептурное. Такое не купишь в любой аптеке без рецепта. Мы проверили аптеки города. И нашли запись: десять дней назад это лекарство приобреталось по рецепту, выписанному на имя вашей матери, Кудрявцевой Антонины Павловны. Рецепт получали вы. Камера в аптеке вас зафиксировала. Вы взяли гораздо больше, чем нужно для лечения. Запаслись. А излишек использовали как яд.

В комнате повисла тишина. Игорь смотрел на разложенные перед ним улики, и было видно, как рушится его уверенность.

— И знаете, что самое горькое, Игорь? — тихо сказала Вероника. — Вы чуть не отправили на скамью подсудимых собственную сестру. Марину уже почти записали в убийцы — из-за красного пальто, из-за ссоры. Свидетель ошибся, принял её за преступницу. Вы это пред-

видели, да? Вы знали, что она поедет за Савельевым. И спокойно позволили бы ей ответить за ваше убийство. Родную сестру.

Игорь сжал кулаки. Что-то надломилось в нём.

— Я... я не хотел, чтобы Маринку впутали, — глухо проговорил он. — Так получилось. Я не думал...

— Расскажите, как всё было, — мягко сказал Соловьёв.

Игорь молчал долго, потом заговорил — тяжело, обречённо.

— Эти деньги... шесть миллионов... я их взял, да. Тогда, в «Финанс-Гаранте». Думал, всё чисто, концы спрятаны. Савельева сделали крайним, и ладно — он сам в схеме участвовал, не невинный. А три года прошло — и Маринка приходит, говорит: Андрей в городе, опять копает старое, документы какие-то собрал. Я понял — он до меня доберётся. Он же бухгалтер, дотошный, он бы всё восстановил, доказал бы про однодневку, про мои миллионы. Мне реальный срок светил. Большой.

Он провёл рукой по лицу.

— Я узнал у Марины, где он, на каком маршруте ездит. Подготовился. Взял лекарство матери, набрал шприц. В тот вечер пошёл за ним. Смотрю — Марина тоже его выследила, села в автобус. Я следом. Они ругаться начали. Я сзади сидел, ждал. Думал — вот, и свидетели есть, что у них конфликт. Маринка вышла на своей остановке. А я пересел к Андрею. Он меня увидел, испугался, говорит: «Игорь, ты? Не надо, я никому ничего...» А я уже... я просто ткнул его шприцем в шею. Быстро. Он дёрнулся и всё. Обмяк. Я вытащил у него телефон, кошелёк, документы — чтобы не сразу опознали, время выиграть. И вышел на «Парковой». Документы потом сжёг. А телефон с кошельком, дурак, в мусорку кинул по дороге, спешил...

Он замолчал, опустив голову.

— Я не думал, что на Маринку всё свалится. Честное слово. Так вышло.

— Так вышло, — горько повторила Вероника. — Из-за денег, Игорь. Вы убили человека и едва не погубили сестру — из-за денег, которые украли три года назад.

Игоря Кудрявцева увели. Когда Марине сообщили, что её отпускают, что настоящий убийца найден, она долго не могла поверить. А когда узнала, что это её родной брат, опустилась на стул и беззвучно заплакала.

— Я ведь сама ему всё рассказала, — шептала она. — Где Андрей, на каком маршруте... Я навела его. Я виновата...

— Вы не знали, — сказала Вероника, садясь рядом. — Вы не могли знать, на что он способен. Вы искали справедливости для себя, а не смерти для Савельева. Это Игорь сделал выбор. Не вы.

Поздно вечером Вероника и Соловьёв стояли у окна в опустевшем коридоре ЦКР.

— Знаешь, что меня с самого начала зацепило? — сказала Вероника. — Красное пальто. Слишком яркое для убийцы. Я говорила: настоящий преступник, который всё так продумал, не наденет то, что запомнит каждый. И оказалась права. Убийца был незаметным. В тёмной куртке, в кепке. А все смотрели на красное пятно.

— Ошибка свидетеля, — кивнул Соловьёв. — Кондуктор честно рассказала, что видела. Только видела она не то, что было главным. Если бы мы пошли только за её показаниями, в тюрьме сидела бы невинная Марина.

— А настоящий убийца, — добавила Вероника, — спокойно жил бы дальше, с шестью миллионами и чужой смертью на совести. — Она посмотрела в тёмное окно, на огни ночного города. — Андрей Савельев был не святым. Он участвовал в той афере. Но он три года пытался доказать правду. И знал, что за ним придут. Он оставил нам записку — «это они, из-за денег». И эта записка не дала убийце уйти.

Соловьёв кивнул.

— Последний автобус для Савельева стал последним по-настоящему. Но он успел сказать своё слово. И мы его услышали.

Они выключили свет и вышли. Где-то в ночном городе по своим маршрутам шли автобусы — обычные, мирные, развозящие усталых людей по домам. И в каждом из них ехали свои истории, свои тайны, свои страхи. А дело о пассажире без билета было закрыто — потому что в Центре криминалистики и расследований умели слышать даже тех, кто уже не мог говорить.

Чужой ключ

Глава 1. Открытая дверь

Вызов поступил в Центр криминалистики и расследований в начале одиннадцатого утра. Старый кирпичный дом в тихом переулке, четвёртый этаж, квартира преподавательницы музыки. Когда служебная машина остановилась у подъезда, Вероника Дробышева сразу обратила внимание на тишину этого двора — старые липы, лавочки, ни шума, ни суеты. Место, где, казалось, ничего не может случиться.

На лестничной площадке четвёртого этажа уже толпились соседи. Участковый отгонял любопытных, а у открытой двери квартиры номер сорок один переминался с ноги на ногу немолодой мужчина в форме консьержа — точнее, как выяснилось, дворник, он же по совместительству приглядывал за порядком в подъезде.

— Вероника Сергеевна, — навстречу шагнул следователь Андрей Соловьёв, уже прибывший на место. — Погибшая — Тихонова Елена Михайловна, пятьдесят четыре года. Преподаватель музыки, учительница по фортепиано. Давала частные уроки на дому. Тело обнаружила ученица, которая пришла на занятие к десяти утра.

— Кто ещё был в квартире? — спросила Вероника, натягивая перчатки и бахилы.

— Никого. Девочка позвонила в дверь, никто не открыл. Она потянула за ручку — а дверь оказалась не заперта. Вошла, позвала. И нашла Елену Михайловну в гостиной. Перепугалась, выбежала, начала звать на помощь. Соседи вызвали полицию.

Вероника шагнула внутрь и сразу осмотрела дверь. Это была старая, добротная деревянная дверь с двумя замками — обычным защёлкивающимся и врезным, с поворотом. Она внимательно осмотрела оба.

— Замок не взломан, — констатировала она вслух. — Ни царапин у личинки, ни следов отмычки, ни вмятин от фомки. Дверь открывали ключом или она была открыта изнутри. — Вероника провела пальцем по краю двери. — И смотри, Андрей. Защёлка не повреждена. Никакой грубой силы. Тот, кто вошёл, либо имел ключ, либо его впустили.

— Соседи говорят, Елена Михайловна была человеком осторожным, — заметил Соловьёв. — Одинокая женщина в возрасте. Просто так дверь незнакомым не открывала.

— Значит, либо знакомый, либо у убийцы был ключ, — сказала Вероника. — Запомним это.

Они прошли в гостиную. Это была просторная комната старой планировки, с высокими потолками и лепниной. У окна стояло чёрное пианино, отполированное до блеска, с раскрытой крышкой. На пюпитре — ноты. Вдоль стен — стеллажи с книгами и нотными папками, на стенах — фотографии в рамках: молодая Елена за роялем, концерты, ученики с дипломами, чёрно-белые семейные снимки. Уютная, обжитая комната человека, посвятившего жизнь музыке.

И посреди этого уюта, на полу у журнального столика, лежала женщина.

Елена Тихонова лежала на спине, чуть подвернув руку. Седеющие волосы, аккуратно собранные в пучок, домашний халат, мягкие тапочки. Лицо спокойное, почти умиротворённое, без следов страха или боли. Если бы не неестественная поза, могло бы показаться, что женщина просто прилегла отдохнуть.

Вероника опустила рядом на корточки и начала осмотр.

— Так, — проговорила она. — Следов борьбы практически нет. Одежда не порвана, не смята. Руки чистые, под ногтями навскидку ничего нет — она не отбивалась, не царапалась.

Мебель на местах, ничего не перевернуто, не разбито. — Она обвела взглядом комнату. — В квартире порядок. Будто ничего и не случилось. Только мёртвая хозяйка на полу.

— Ограбление? — предположил Соловьёв.

Вероника покачала головой, оглядываясь.

— Не похоже на типичное ограбление. Смотри — на пианино стоит шкатулка, крышка приоткрыта, но украшения внутри на месте. Вон золотые серёжки, цепочка. Деньги? — Она кивнула на сервант, где на полке лежал кошелёк. — Денис, проверь.

Оперативник Денис Платов осторожно раскрыл кошелёк.

— Купюры на месте, — сказал он. — Несколько тысяч, карты. Никто не брал.

— Странно, — нахмурилась Вероника. — Если не ограбление, то что? Зачем убивать пожилую учительницу музыки в её собственной квартире, ничего не взяв? — Она снова склонилась над телом. — А вот это уже интереснее.

Она аккуратно повернула голову погибшей и указала на висок и затылок.

— Видишь? Кровоподтёк на левом виске и рана на затылке. Похоже на удар или падение с ударом о твёрдый угол. — Вероника осмотрела журнальный столик рядом. На его остром деревянном углу темнело пятнышко. — Вот. Возможно, она ударилась головой об угол стола. При падении.

— То есть несчастный случай? — спросил Соловьёв. — Упала, ударилась, умерла?

— Не торопись, — Вероника продолжала осматривать тело. — Падение об угол могло стать причиной смерти. Но вот вопрос — почему она упала? Сама поскользнулась? Или её толкнули? Смотри на положение тела. И на эту ссадину. — Она показала на предплечье погибшей, где виднелся небольшой кровоподтёк. — Похоже на след захвата. Как будто кто-то схватил её за руку. Сильно. Один синяк — не борьба, не драка. Скорее, короткий конфликт. Кто-то схватил её, был толчок, она упала и ударилась виском, а потом затылком.

— Значит, всё-таки убийство, — мрачно сказал Соловьёв. — Или преднамеренное причинение смерти.

— Установим точно после вскрытия, — ответила Вероника. — Но предварительно картина такая: посторонних следов взлома нет, ограбления нет, серьёзной борьбы нет. Был кто-то, кого Елена впустила или кто вошёл сам. Произошёл короткий конфликт. Толчок. Падение. Удар головой. Смерть. А потом этот человек спокойно ушёл, оставив дверь открытой.

— Открытая дверь, — задумчиво повторил Соловьёв. — Если убийца уходил в панике, мог просто захлопнуть за собой. А он оставил настежь.

— Или, — Вероника поднялась, — хотел, чтобы тело нашли побыстрее. Или ему было всё равно. Или, — она помедлила, — он вовсе не был в панике. Действовал спокойно. Это многое говорит о человеке.

В комнату заглянул участковый.

— Товарищ следователь, тут ученица, которая тело нашла. И мать её. Девочке плохо совсем, рыдает.

— Сейчас подойдём, — кивнул Соловьёв.

Пока криминалисты работали с телом, Вероника прошлась по квартире. Кухня — чистая, посуда вымыта, на столе одна чашка с недопитым чаем. Спальня — аккуратно застеленная кровать. Маленькая комната, видимо, кабинет — письменный стол, заваленный нотами и тетрадями учеников.

Вероника вернулась к пианино и внимательно осмотрела фотографии на стене. Её взгляд задержался на одном старом снимке: молодая Елена с мужчиной, оба смеются, на фоне — концертный зал. Рядом — фотография семейная, старая, ещё, видимо, родительская: пожилые люди, рояль, и на нём — она пригляделась — необычные старинные подсвечники или какой-то предмет. Снимок был выцветший, не разобрать.

— Андрей, — позвала она. — Смотри, сколько здесь личных вещей, фотографий. Это дом человека, у которого богатая история. Музыкальная семья, судя по всему. Не один десяток лет за этим инструментом.

— Думаешь, мотив в прошлом? — спросил Соловьёв.

— Думаю, мотив точно не в кошельке, — ответила Вероника. — Деньги, золото — всё на месте. Убийца пришёл не за этим. Значит, либо личная ссора, либо ему нужно было что-то конкретное.

Они вышли на лестничную площадку, где у стены, обняв за плечи, сидели две фигуры. Девочка лет двенадцати, бледная, с заплаканным лицом, и рядом — женщина, видимо, её мать, которая нервно гладила дочь по голове.

— Здравствуйте, — мягко сказал Соловьёв. — Я следователь Соловьёв. Это вы нашли Елену Михайловну?

Девочка кивнула, всхлипнув.

— Меня Катя зовут, — прошептала она. — Я к ней на урок пришла, к десяти. Каждую субботу хожу. Позвонила — никто не открыл. А дверь сама... приоткрылась. Я зашла, а она там... на полу...

— Кать, тише, тише, — обняла её мать и подняла глаза на следователей. — Меня зовут Ирина. Мы ничего не знаем, мы просто пришли на занятие.

— Скажите, Катя, — осторожно спросила Вероника, присаживаясь рядом, — а дверь у Елены Михайловны обычно как? Она запиралась во время уроков?

— Да, — кивнула девочка. — Она всегда закрывала. На два оборота. Говорила: «Время сейчас беспокойное, лучше запирать». А сегодня... открыто было. Я ещё удивилась.

Вероника и Соловьёв переглянулись. Эта деталь подтверждала их догадку: Елена Тихонова была осторожна. Запирала дверь даже во время уроков. И всё же кто-то вошёл — без взлома, без шума.

— Катя, а ты давно занимаешься у Елены Михайловны? — спросила Вероника.

— Три года, — ответила девочка. — Она хорошая была. Строгая, но добрая. — Она снова заплакала. — У неё много учеников. И ещё... — Катя помедлила. — Она в последнее время нервная была. Один раз я пришла, а у неё в коридоре женщина какая-то, и они громко так разговаривали. Чуть не ругались. Елена Михайловна потом извинялась, что урок задержался.

— Что за женщина? — насторожилась Вероника.

— Не знаю, — пожала плечами Катя. — Тоже, наверное, чья-то мама. Я слышала только, как Елена Михайловна ей сказала: «Я не буду этого делать, и не уговаривайте». А та злилась очень.

Вероника аккуратно записала это в блокнот.

Когда мать с девочкой увели вниз, Соловьёв повернулся к Веронике.

— Ну, картина пока такая, — сказал он. — Осторожная одинокая женщина. Запирала дверь даже днём. Но кто-то вошёл без взлома. Короткий конфликт, толчок, падение, смерть. Ничего не украдено. А незадолго до смерти — ссора с какой-то женщиной.

— И дверь оставлена открытой, — добавила Вероника. — Меня это не отпускает, Андрей. Замок не взломан. Это ключевая деталь, прости за каламбур. — Она оглянулась на дверь квартиры. — Войти могли только три способа. Первый — Елена сама впустила. Значит, знала человека, не боялась. Второй — у убийцы был ключ. И третий... — она помедлила, — этот ключ был сделан так, что Елена о нём могла и не знать.

— Сделаем запрос на всех учеников и их родителей, — сказал Соловьёв. — На родственников. На соседей. Кто-то ведь видел или знал того, кто к ней приходил.

— И обязательно — на прошлое Елены Тихоновой, — добавила Вероника, снова бросив взгляд на старые фотографии за приоткрытой дверью. — Чувствую, разгадка где-то там. В этом доме слишком много истории, чтобы убийство оказалось случайным. Кто-то вошёл сюда как к

себе домой. Без страха, без шума. Через открытую дверь, которую на самом деле кто-то отпер своим ключом. Осталось понять — чьим.

Криминалисты выносили оборудование, эксперт готовил тело к транспортировке. А Вероника всё стояла на пороге, глядя на тихую, уютную квартиру, где между нотами и старыми фотографиями притаилась чья-то давняя тайна. И эта тайна, она была уверена, началась задолго до сегодняшнего утра.

Глава 2. Ученики и зависть

К полудню следующего дня в аналитическом отделе ЦКР уже была собрана первая информация. Денис Платов разложил на столе распечатки и заметки, а на большом экране вывел фотографию погибшей — Елену Тихонову, ещё живую, улыбающуюся, за роялем.

— Докладываю по личности, — начал он, когда Вероника и Соловьёв заняли свои места. — Тихонова Елена Михайловна, пятьдесят четыре года. Преподаватель фортепиано. В прошлом — концертирующая пианистка, выступала, потом перешла на преподавание. Двадцать лет работала в музыкальной школе, последние годы давала только частные уроки на дому. Считалась одним из лучших педагогов в городе. К ней стояла очередь — родители мечтали отдать детей именно ей.

— Сильный педагог, — отметила Вероника. — Знач региональный, с выходом на все-российский уровень. Победа на нём открывает двери: стипендии, поступление в престижные учебные заведения, имя. Светлана Белова мечтала, чтобы её дочь выступила и победила. Она буквально жила этой идеей. И требовала от Елены Тихоновой готовить Алису к конкурсу — интенсивно, по несколько часов в день, по сложнейшей программе.

— А Елена отказалась, — закончила Вероника.

— Категорически, — подтвердил Денис. — По словам других родителей, Елена Михайловна заявила, что девочке ещё рано на такой конкурс, что её нельзя перегружать, что это ломает ребёнка и убьёт любовь к музыке. Сказала, что не возьмётся «дрессировать» Алису ради амбиций матери. И отказалась готовить её к выступлению.

— И как отреагировала Белова? — спросил Соловьёв.

Денис усмехнулся невесело.

— Бурно. Несколько свидетелей подтверждают, что Светлана устраивала скандалы. Приходила к Елене домой, требовала, угрожала. Говорила, что Елена ломает дочери будущее из вредности, из зависти к чужому таланту. Что она «завидует, потому что сама свою карьеру не сделала». Одна из учениц — помните Катю, которая нашла тело? — как раз и стала свидетелем такой сцены в коридоре. Это та самая женщина, что ругалась с Еленой.

— «Я не буду этого делать, и не уговаривайте», — процитировала Вероника по своему блокноту. — Вот оно что. Это Елена говорила Беловой об отказе готовить Алису.

— Похоже на то, — кивнул Денис. — И вот ещё. Соседка снизу слышала, как примерно неделю назад в квартире Тихоновой был громкий скандал. Женский голос кричал: «Вы об этом пожалеете! Вы ещё пожалеете!» А потом хлопнула дверь.

В кабинете повисла напряжённая тишина.

— Зависть и амбиции, — медленно проговорила Вероника. — Классический мотив в мире искусства. Мать, которая через ребёнка реализует собственные несбывшиеся мечты. И педагог, вставший на пути. Светлана Белова — наш первый серьёзный кандидат.

— Я бы её сразу взял в оборот, — сказал Соловьёв. — Угрозы, скандалы, мотив. Давайте побеседуем.

Светлана Белова приехала в ЦКР сама — собранная, в дорогом пальто, с идеальной причёской. Держалась она надменно, но Вероника сразу заметила нервозность: женщина то и дело теребила ремешок сумки.

— Я не понимаю, почему меня вызвали, — заявила она, едва сев. — Да, я знала Елену Тихонову. Моя дочь у неё занималась. Но какое отношение я имею к её... смерти?

— Светлана Игоревна, — спокойно начал Соловьёв, — у вас был конфликт с погибшей. Серьёзный. Вы требовали, чтобы она готовила вашу дочь к конкурсу, а она отказалась. Это так? Белова поджала губы.

— Это так. И что с того? Да, я была недовольна. Елена была прекрасным педагогом, но в этом вопросе вела себя... безответственно. У Алисы редчайший дар. Такой бывает раз в поколение. А Елена своим упрямством хоронила её будущее. Я хотела, чтобы у моей дочери был шанс. Разве это преступление?

— Свидетели говорят, вы устраивали скандалы, — заметила Вероника. — Приходили к Елене домой. Угрожали. Неделю назад соседи слышали, как вы кричали: «Вы об этом пожалеете».

Светлана вспыхнула.

— Я была на эмоциях! Да, я ей это сказала. Я имела в виду, что она пожалеет о своём решении, когда Алиса станет известной без неё, с другим педагогом! Это была угроза карьере, репутации, а не... не убийством же! Я не убивала её!

— Где вы были вчера утром, между девятью и десятью? — спросил Соловьёв.

— Дома, — быстро ответила Белова. И тут же добавила: — То есть... я отвозила Алису в художественную студию к девяти, а потом... — Она замялась. — Потом ездила по магазинам.

— Кто-то может это подтвердить? — спросила Вероника.

— Я... не знаю. В студию отвозила, это видели. А потом одна была.

Вероника и Соловьёв переглянулись. Алиби на ключевое время — шаткое.

— Светлана Игоревна, — сказала Вероника, наклонившись чуть вперёд, — вы бывали в квартире Елены Тихоновой?

— Конечно, бывала, — кивнула Белова. — Я приводила Алису на занятия. Иногда ждала её там, в коридоре. Иногда заходила в комнату.

— А у вас был ключ от её квартиры?

Светлана удивлённо вскинула брови.

— Ключ? С какой стати у меня был бы ключ от чужой квартиры? Нет, конечно. Елена сама открывала дверь, когда мы приходили. Что за вопрос?

Вероника внимательно следила за её реакцией. Удивление выглядело искренним.

— А вы знаете, как погибла Елена? — спросила она.

— Мне сказали, что её... что её убили, — Светлана понизила голос. — Я была в ужасе. Несмотря на наши разногласия, она была талантливым человеком. И Алиса плакала весь вечер.

После допроса Белову отпустили, взяв подписку о невыезде. Вернувшись в кабинет, Соловьёв нахмурился.

— Мотив у неё железный, — сказал он. — Зависть, амбиции, угрозы, скандалы. Алиби на момент смерти нет. Я бы её пока держал в подозреваемых номер один.

— Согласна, мотив сильный, — медленно ответила Вероника. — Но меня смущает один момент. Помнишь главное? Дверь не взломана. Замок цел. Войти можно было либо если Елена сама впустила, либо по ключу. — Она прошлась по кабинету. — Допустим, Елена впустила бы Белову — они хоть и в ссоре, но знакомы. Допустим. Но вот вопрос про ключ. Белова искренне удивилась, когда я спросила про ключ. И её удивление было настоящим. А ведь вход в квартиру — это ключевая улика.

— Думаешь, она не врёт про ключ? — спросил Соловьёв.

— Думаю, надо разделять две вещи, — ответила Вероника. — Мотив и возможность. Мотив у Беловой есть, и сильный. Но способ проникновения — вот что важно. Если убийца вошёл по ключу, у Беловой ключа не было. Если Елена сама впустила — то она впустила того, кому доверяла или кого не боялась. А Белову она в последнее время на дух не переносила. Стала бы она спокойно открывать дверь скандальной мамаше, которая кричала ей «вы пожалеете»?

— Резонно, — признал Соловьёв. — Но в гневе люди и не такое делают.

В этот момент в кабинет заглянул Денис.

— Есть новости от экспертов, — сказал он. — По телу и по квартире. Кое-что интересное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.